

В. Шоттъ

ЛИЛІЯ

1915 г. Пробужденіе № 7-й

1-го Апрелья 1915 г.

Центральная библиотека
им. Грима
им. Зах

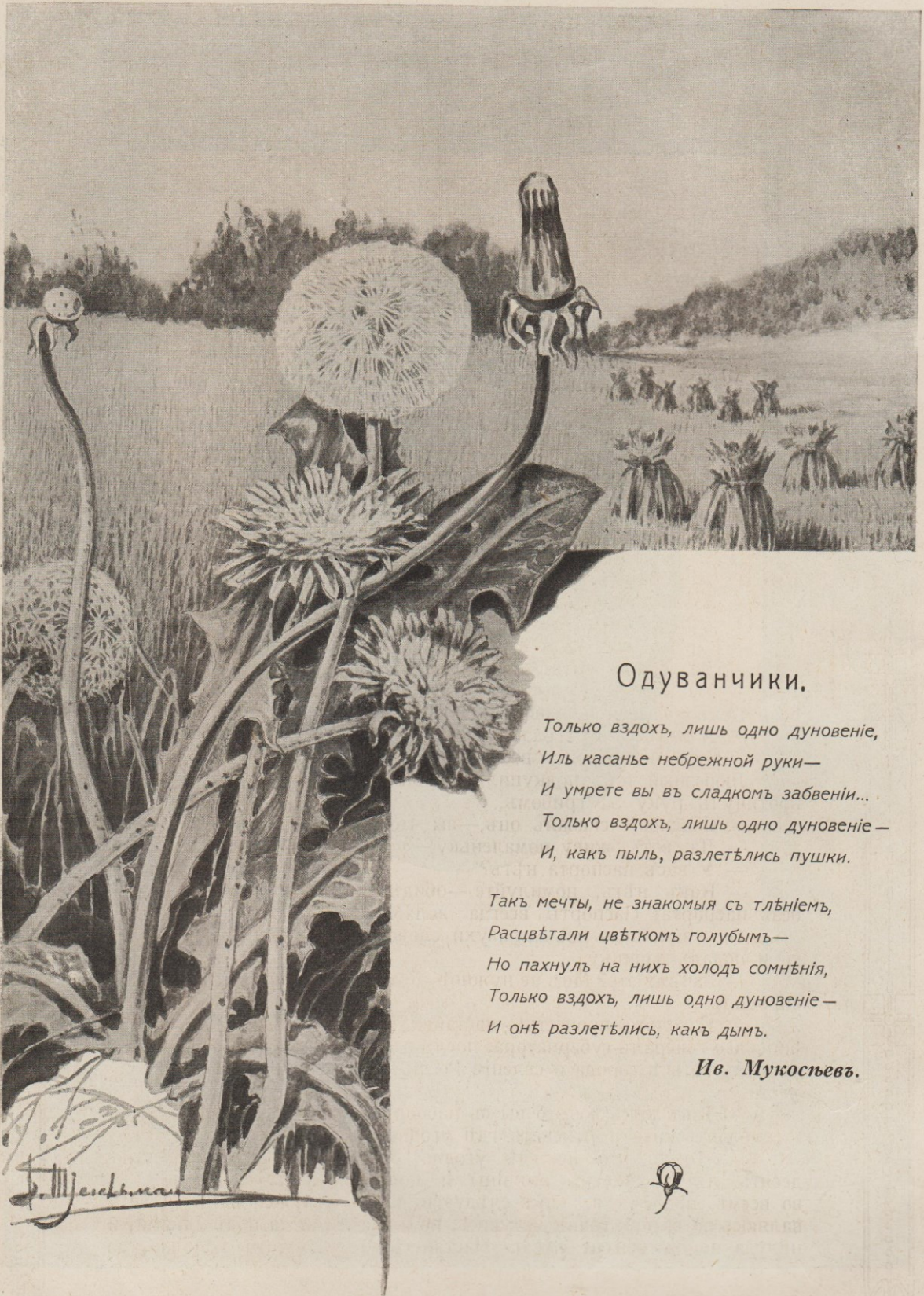
А. Н. АПУХИНЪ.
Талантливый русскій поэтъ.

Къ 75-лѣтію со дня рожденія.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Годъ 10-й.

Выпускъ 7-й.

Одуванчики.

Только вздохъ, лишь одно дуновение,
Иль касанье небрежной руки—
И умрете вы въ сладкомъ забвеніи...
Только вздохъ, лишь одно дуновение—
И, какъ пыль, разлетѣлись пушки.

Такъ мечты, не знакомыя съ тлѣніемъ,
Расцвѣтали цвѣткомъ голубымъ—
Но пахнулъ на нихъ холодъ сомнѣнія,
Только вздохъ, лишь одно дуновение—
И онѣ разлетѣлись, какъ дымъ.

Ив. Мукосъевъ.

Подобна солнцу.

Разсказъ К. С. Баранцевича

I.

Издали дачникъ замѣтилъ голубоватый дымокъ, пробивавшійся сквозь вѣтви березъ и елей, а когда приблизился на разстояніе двухъ, трехъ десятковъ саженой; то увидѣлъ подь широкой елью потухавшій костеръ. У костра сидѣлъ человекъ лѣтъ 40—50, худой, изможденный, видимо, давно не бритый, въ старой, ситцевой рубахѣ, заправленной въ синія солдатскія панталоны.

— Грибки собираете, баринъ?—весело окликнулъ человекъ.

— Да, грибы!—отвѣчала дачникъ, слегка испугавшись.

— Не хотите-ли, вотъ грибъ! Хорошій, бѣлый!—предложилъ бродяга, показывая большой бѣлый грибъ.

— А вамъ самимъ развѣ не надо?

— Куда мнѣ! Жарить все равно не на чемъ! Возьмите, пожалуйста! Любезный тонъ подкупилъ дачника. Онъ подошелъ къ ели и протянулъ руку за грибомъ.

— Спасибо!—сказалъ онъ,—вы что же тутъ дѣлаете?

— Да, вотъ, живу помаленьку!—усмѣхнулся бродяга.

— У васъ паспорта нѣтъ?

— Какъ нѣтъ, помилуйте,—обидѣлся бродяга,—какъ можно безъ паспорта! Паспортъ всегда долженъ быть! Вотъ, пожалуйста! Онъ вытащилъ изъ-за пазухи сложенный вчетверо листъ бумаги и подалъ дачнику.

— Зачѣмъ это? Мнѣ не нужно!—оторопѣлъ тотъ,—я только такъ спросилъ.

— Извольте прочесть!—настаивалъ бродяга,—отъ самого Сибирскаго генераль-губернатора, послѣ военныхъ дѣйствій съ Японіей, уволенъ во всѣ города и селенія Россійской Имперіи. Извольте прочесть.

— Такъ какъ же это вы съ паспортомъ ночуете въ лѣсу? Вѣдь, вы можете жить и ночевать гдѣ угодно!

— То-то что не гдѣ угодно! До сихъ поръ, вотъ уже десять лѣтъ, лишень столицы и подстоличныхъ городовъ!... А во всемъ прочемъ я, какъ слѣдуетъ быть, заслуженный... А вотъ валяюсь по сырой травѣ матушкѣ, подь березами да подь елками, и никуда показаться не смѣю. Настанетъ осень, будетъ холодно, по

усадебамъ пойду картошку копать, ну, а зимою по заводамъ уголь возить... Десять лѣтъ такую собачью жизнь веду.

— А вы кто же, собственно... т.-е. какого сословія?

— Я—бывшій чиновникъ... канцелярскимъ былъ, служилъ въ казенной палатѣ... Ну, а теперь лишень правъ.

— Вотъ какъ! А за что вы на каторгу попали?

— За убійство.

Дачникъ сдѣлалъ невольное движеніе, какъ-бы собираясь встать и уйти, однако спросилъ:

— Кого же вы это?

— Любовницу убилъ.

Тѣнь тревоги сбѣжала съ лица дачника.

— Романическая исторія!—сказалъ онъ.

— Да, романическая!—усмѣхнулся бродяга,—романъ канцелярскаго чиновника Порожнева. Порожневъ — моя фамилія. Александръ Игнатьевичъ, позвольте представиться.

— Очень пріятно,—сказалъ банальную фразу дачникъ.

— Ну, что же пріятнаго въ знакомствѣ съ бродягой?—сказалъ Порожневъ, протягивая руку къ закопѣлому жестяному чайнику, подвѣшенному къ довольно искусно составленному изъ палокъ треножнику:—вотъ мой утренній чай! Когда-то за самоваромъ возсѣдалъ, изъ стакана въ серебряномъ подстаканникѣ чай съ молокомъ пилъ, сдобными булочками прикусывалъ, да газетку почитывалъ,—а теперь совсѣмъ, какъ говорятъ...

Дачнику показалось, что онъ все вретъ, что онъ не чиновникъ вовсе, никого не убивалъ и никакой каторги не отбывалъ, а просто отбившійся отъ всякаго дѣла человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій, любящій при случаѣ основательно выпить.

И въ то же время было что-то въ этомъ человѣкѣ, въ манерѣ держаться, въ манерѣ говорить, изобличавшее въ немъ человѣка интеллигентнаго, даже начитаннаго.

— Позвольте вашу бумагу?—протянулъ дачникъ руку.

— Извольте!

Бродяга подалъ сложенный вчетверо, довольно загрязненный листъ бумаги. На бланкѣ канцеляріи Сибирскаго генераль-губернатора былъ дѣйствительно написанъ пропускъ во всѣ города и селенія бывшему ссыльно-каторжному, лишенному правъ такому-то.

— Изволили теперь убѣдиться?—спросилъ Порожневъ.

— Нѣтъ, это я такъ!—смутился дачникъ.

— Да нѣтъ, что же... вы не смущайтесь! Я, вѣдь, ко всему привыкъ: и къ недовѣрію, и ко всякому обращенію, если хотите знать, то и къ побоямъ. За десять лѣтъ скитаній всего было, чего и не припомнишь. Право! Эхъ, угостилъ-бы васъ чаемъ, да посуда единственная, вотъ эта кружка. И то, скажу откровенно: краденая! Купить не на что было, а тутъ подвернулась... Эхъ! Не даромъ пословица говорится: не клади плохо, не вводи вора въ грѣхъ. Ну, да что тамъ... Далеко отсюда изволите жить?

— Съ версту. Ближе къ станціи.

— На дачѣ?

— Да. Большая такая, красная.

— Сѣрая крыша?

— Вотъ, вотъ!

— Проходилъ мимо. Знаю. Нѣтъ-ли у васъ галошь старыхъ... изъ обуви чего-нибудь?.. Очень ужъ обносился. Вотъ, поглядите.

Онъ протянулъ длинныя, костлявыя ноги въ солдатскихъ панталонахъ. На ногахъ были совершенно развалившіеся опорки, причемъ одинъ былъ подвязанъ веревкой.

— Очень грустно, что вы не можете найти себѣ занятій,—сказалъ дачникъ,—а насчетъ галошь—я посмотрю.

— Будьте добры. Пожалуйста!—попросилъ Порожневъ,—надоѣла мнѣ бродяжническая жизнь, а что подѣлаешь. Заколдованный кругъ—никакъ изъ него не выскочишь! Главное—въ столицѣ-то мнѣ нельзя... Ужъ я хлопоталъ, хлопоталъ, и теперь хлопочу, ничего не выходитъ. Ну, вотъ, я и согрѣлся, какъ чайку-то выпилъ. Да и солнышко на помощь приходитъ.

Дѣйствительно, лучъ солнца прорѣзалъ густую, темнозеленую хвою ели и нѣжнымъ, ласковымъ тепломъ обнялъ сидѣвшихъ подъ деревомъ.

— Утренники начинаются, вотъ что скверно!—продолжалъ Порожневъ,—сегодня завернулъ порядочный, инеемъ трава подернулась. А это ужъ значить пора на заводы собираться, угольную пыль глотать... Тоже вамъ доложу,—перспектива не изъ пріятныхъ...

— Да... Очень жаль... очень жаль! — бормоталъ дачникъ, шурясь на солнце.

Тепло разнѣжило его, да и ноги устали отъ долгаго и притомъ безплоднаго хожденія по лѣсу,—въ корзинкѣ сиротливо болтались два сомнительныхъ подберезовика.

И ему очень хотѣлось посидѣть еще подъ елкой и пофилософствовать, сыто и внушительно, какъ могутъ философствовать достигшіе благополучія люди на склонѣ лѣтъ.

Онъ вздохнулъ и прошепталъ, щуря глаза:

— И все и вездѣ одно и то же: *chercher la femme!*

— Это вы насчетъ меня?—встрепенулся Порожневъ,—ну, такъ, я вамъ скажу, что это совершенно напрасно! Никакая фамма тутъ не виновата, если хотите знать, а виновать во всемъ я, одинъ я, и наказаніе свое принялъ по заслугамъ.

— Какъ?—удивился дачникъ,—вы говорите, что убили вашу любовницу,—значить было за что. Ну, скажемъ, она вамъ измѣнила, отравляла жизнь.

— Представьте: ничего подобнаго!

— Какъ «ничего подобнаго»? Она вамъ не измѣняла?

— Не отрицаю, можетъ быть, но я ни разу не могъ самъ въ этомъ убѣдиться. Мнѣ говорили люди, но, по чистой совѣсти, я имъ не вѣрилъ. Люди много лгутъ: изъ зависти, изъ ревности, изъ непонятной злобы къ другимъ, изъ-за самохраненія, изъ-за тысячи причинъ...

— Я не понимаю, зачѣмъ же вы тогда... убили?

— Какъ т о г д а, такъ и теперь врядъ-ли я сумѣю въ точности отвѣтить вамъ на вопросъ. Но чѣмъ глубже разбираюсь я въ собственномъ нутрѣ, тѣмъ все болѣе и болѣе мнѣ кажется, что я убилъ Нюру изъ-за мысли о возможной измѣнѣ мнѣ...

II.

— Видите-ли,—началъ Порожневъ, закуривая папироску-самокрутку изъ махорки и комфортабельно располагаясь подъ лучами солнца на примятой охапкѣ сѣна,—видите-ли въ чемъ дѣло. По-моему,

значительное количество поступков чловѣка обрисовываютъ его характеръ и особенности, привитыя, быть можетъ, съ дѣтства, воспитаніемъ... О себѣ я помню, на примѣръ, что я былъ съ самаго ранняго дѣтства ребенкомъ, такъ сказать, повышенной чувственности. Не знаю, было-ли это получено мною по наслѣдству, отъ рожденія, или таково было мое воспитаніе, все время среди дѣвочекъ-подростковъ (у матушки былъ модный магазинъ и мастерская), но чувственность, любовь къ женскому проявились у меня черезчуръ рано. По натурѣ робкій, застѣнчивый и скрытный, я потихоньку любовался дѣвушками, молодыми женщинами, съ какимъ-то тайнымъ трепетомъ во всемъ организмѣ, случайно попадавшіеся въ руки предметы женскаго туалета: гребенку, какую-нибудь ленточку, подвязку, коробочку, пахнущую сильными, острыми духами, пряталъ по карманамъ, носилъ съ собою, какъ нѣчто завѣтное, въ потаенномъ мѣстѣ вынималъ изъ кармана, нюхалъ и снова пряталъ. Въ то же время я былъ ребенокъ какъ ребенокъ, бѣгалъ, рѣзвился со сверстниками, и, несмотря на попытки нѣкоторыхъ дрянныхъ дѣвченокъ въ мастерской развратить меня окончательно, я какъ-то, по ребячеству-ли или почему-либо другому, не вникалъ въ смыслъ этихъ развращеній, и они не оставляли на мнѣ своего непосредственнаго слѣда въ ближайшее, по крайней мѣрѣ, время. На меня просто находило иногда что-то странное, какіе-то, какъ-бы ихъ назвать, —приливы, что-ли, когда я уединялся, вынималъ свои женскіе амулеты, обыкновенно пахнущіе не то духами, чаще всего, конечно, духами, не то чѣмъ-то особеннымъ, специфическимъ, женскимъ, и нюхалъ съ самозабвеніемъ, чуть-ли до не потери сознания... Что вы смотрите на меня?.. Съ такимъ удивленіемъ!.. А?

— Я? Ничего! — смутился дачникъ, — я такъ...

— Не «такъ», а я понимаю. Вы смотрите и думаете: откуда у него, у этого лишеннаго правъ каторжника, бывшаго мелкаго канцелярскаго чиновника, откуда у этой департаментской клячи такія тонкія ощущенія, литературный языкъ, и если не научныя, то хотя-бы псевдонаучныя опредѣленія? Сознайтесь, навѣрно такъ думаете? Ну, да, конечно! Ну, такъ я на это вамъ отвѣчу, что всѣ мы вотъ такія канцелярскія сошки, не отупѣвшія отъ хроническаго пьянства и картъ, всѣ мы отъ знаменитаго нашего прадѣда Макара Дѣвушкина. Только Макарь Дѣвушкинъ говорилъ тогда другимъ, архаическимъ языкомъ, и психологія его была, хотя и глубокая, но нѣсколько первобытная, мы же, правнуки, замѣтно прогрессировали и въ томъ, и въ другой. Кромѣ того, примите во вниманіе и то еще обстоятельство, что я отъ родителя своего, любившаго много читать, наслѣдовалъ нѣкій даръ творчества, въ юношествѣ писалъ стихи не только «къ ней», но и гражданскаго, и даже политическаго содержанія. Все это въ значительной степени стерла моя послѣдующая мѣщанская жизнь и уже окончательно задавила каторга, война и бродяжничество... Не удивляйтесь...

— Да я и не удивляюсь... нисколько...

— Э, полноте, неужели думаете, я не замѣтилъ, какъ у васъ приподнялась правая бровь и расширились глаза? Вотъ я и говорю: не удивляйтесь, пожалуйста, если я вамъ четверть часа тому назадъ, какъ барину, предложилъ грибокъ, а теперь предлагаю психологическій, такъ сказать, анализъ своего душевнаго я... Странная штука это наше душевное „я“! Тутъ много правды, горькой, выстраданной правды, но есть и лжи порядочно, есть и рисовка, и самолюбо-

ваніе, и столько въ этомъ «я» красокъ, столько разнообразія,—просто какой-то калейдоскопическій лабиринтъ!..

Онъ задумался, потомъ опять зажмурился отъ бившихъ ему въ глаза лучей солнца, повернулся съ видимымъ физическимъ наслажденіемъ на другой бокъ и продолжалъ вдумчиво-медленно:

— Это я, вѣдь, вамъ собственно все теорію, а вотъ не угодно-ли факты моей жизни, по которымъ и предлагаю меня судить.

Вдругъ онъ весело вскинулъ голову, приподнялся на рукахъ и, такъ же весело глядя на собесѣдника, воскликнулъ:

— Меня уже судили, впрочемъ, и осудили совершенно справедливо! Конечно,—прибавилъ онъ затѣмъ тихо, упавшимъ, слабымъ голосомъ,—они многое не приняли во вниманіе, многое психологическое, и мое воспитаніе также, иначе они дали-бы мнѣ снисхожденіе... А впрочемъ... зачѣмъ снисхожденіе?..

Онъ замолчалъ, уткнувшись лицомъ въ землю, какъ-бы весь погруженный въ далекія воспоминанія.

Дачникъ тоже молчалъ, выжидая, что будетъ дальше.

— Да, такъ факты!—заговорилъ Порожневъ, постепенно поворачиваясь лицомъ къ солнцу,—жизнь была по существу ничтожна и бѣдна сколько-нибудь выдающимися событіями. Я рано сталъ самостоятельно на ноги, началъ служить и зарабатывать существованіе совсѣмъ юношей. Познакомился гдѣ-то на какомъ-то гуляньѣ,—да вспомнилъ, въ Петровскомъ паркѣ,—съ молоденькой, хорошенькой дѣвченкой, швейей, вскорѣ влюбился, сильно влюбился и женился. Жили очень хорошо, я ее любилъ беззавѣтно, относительно ея не знаю. Я никогда не зналъ въ дѣйствительности, любятъ-ли меня женщины, но всегда вѣрилъ. Черезъ десять или пятнадцать лѣтъ, не помню хорошенько, когда у насъ было трое или четверо дѣтей, я измѣнилъ женѣ съ одной довольно легкомысленной дамой, тоже матерью семейства, полюбивъ ее не такъ, конечно, какъ любилъ жену, а за ея стройную фигуру и голубые глаза. Кромѣ того, она умѣла завлекать и занималась этимъ весьма усердно съ утра до вечера, тогда какъ моя жена превратилась въ насѣдку и занималась только дѣтьми. Кромѣ того, я очень уважаю добродѣтельныхъ женщинъ, но онѣ не представляютъ для меня того жгучаго интереса, который... ну, да вы меня понимаете? Скажите: одинъ-ли я такой, или мы всѣ, мужчины, такіе?

— Не знаю. Не сумѣю вамъ сказать.

— Гм! А женщины? Тоже такіе?

— Я думаю, разныя женщины есть, какъ и мужчины...

— Ну, вотъ видите. Послѣ моей жены, женщины опредѣленнаго типа врожденной насѣдочной добродѣтели, судьба столкнула меня съ двумя женщинами совершенно обратнаго образца. Я-бы ихъ назвалъ ищущими и любопытствующими... Въ особенности ту, первую... Она все кого-то или чего-то искала. То, чего она искала, она не нашла въ мужѣ, обыкновенномъ труженикѣ, немного талантливомъ, въ мѣру добромъ и заботливомъ, и начала искать въ окружавшихъ ее мужчинахъ. Я былъ молодъ, здоровъ, силенъ, какъ разъ я тогда писалъ стихи, и мнѣ казалось, что они обвѣяны талантомъ. Ей не нужно было ни моей молодости, ни силы, она искала во мнѣ чего-то... я не знаю, можетъ быть, она была тщеславна и ожидала встрѣтить во мнѣ второго Пушкина, но ошиблась, разочаровалась и... Ахъ, я никогда не забуду этихъ голубыхъ, какъ лѣтнее небо, глазъ, полныхъ слезъ, и въ такую минуту, когда... никакихъ слезъ никоимъ образомъ нельзя было ожидать!

Чурбанъ, я ее еще спрашивалъ... Что она могла мнѣ отвѣтить? Послѣ э ихъ слезъ она ушла отъ меня. Съ женою у насъ опять начались и миръ, и любовь. Помнится, я настолько любилъ жену, что, когда у меня являлась мысль о возможности ея смерти, я безапелляціонно рѣшалъ, что застрѣлюсь. Теперь, послѣ пережитой катастрофы, мнѣ кажется это въ высшей степени страннымъ. Гдѣ моя жена, гдѣ двое дѣтей,—я ничего не знаю и не стараюсь узнать... Я теперь свободный сынъ лѣса, мнѣ ничего и никого не нужно, главное—никого.

Но передъ этимъ я еще полюбилъ. Случилось это какъ-то тоже странно и внезапно, и въ этой, послѣдней, моей любви большую роль сыграла чувственность... Не подумайте, что Нюра была ужъ очень обаятельна, молода, красива... Ничего подобнаго! Правда, въ ея 30 лѣтъ она смотрѣла двадцатилѣтней, но красивой назвать ее было нельзя. За то въ ней было что-то такое, что на такихъ, какъ я, испорченныхъ мужчинъ, а я какъ разъ считаю себя такимъ, дѣйствовало неотразимо. Если вы не такой, то этого вы не поймете, да и я, если хотите, не понимаю и не понимаю, но чувствовалъ всѣми своими нервами... Можетъ быть, я-бы и устоялъ какъ-нибудь противъ соблазна, но поведеніе моей жены, опустившейся до степени совершенной насѣдки, очень заботливой, добродѣтельной, но все-таки насѣдки, прямо-таки толкало меня въ бездну. Съ одной стороны—куриный насѣсть, съ другой, хотя и не Богъ знаетъ какіе горизонты, но что-то какъ будто новое, свѣжее, молодое... А мнѣ уже было подъ 50. Мнѣ-бы, какъ совѣтовали пріятели, не слѣдовало в н ѣ д р я т ь с я, но натура-то моя была натурой бабника, и я, если и не хранилъ, какъ въ юности, женскіе амулеты, то втайнѣ не переставалъ питать къ нимъ слабость, и, при встрѣчахъ съ женщиной, старался опредѣлить, какіе у ней духи.

Итакъ, между мною и Нюрой началась связь. Продолжительная, мучительная и вмѣстѣ завлекающая. Первое время я не могъ дня пробыть безъ Нюры, такъ меня къ ней и тянуло, потомъ это немного обошлось, но все-таки я в н ѣ д р и л с я какъ слѣдуетъ быть, основательно, весь отдался своей любовницѣ. Покинутая жена сперва плакала, устраивала сцены ревности, потомъ грозила по адресу разлучницы ручной расправой, сѣрной кислотой, словомъ все какъ полагается въ нашемъ быту. Я то жалѣлъ жену, то бѣсился за ея выходки и порою даже ненавидѣлъ. Во всякомъ случаѣ я ее уже не любилъ, и для меня это было тяжело. Возврата же къ прошлому быть никоимъ образомъ не могло, до такой степени околдовала меня Нюра.

III.

— Если-бы вы знали, сколько разъ я задавалъ себѣ вопросъ: чѣмъ смогла захватить меня эта женщина, и ни разу не могъ точно и опредѣленно рѣшить вопроса. Тутъ была какая-то безконечная, спутанная цѣпь взаимодействовавшихъ причинъ, въ которой такъ трудно было разобраться. Порою мнѣ казалось, что я начиналъ старѣться, и Нюра увлекала меня своей молодостью, порою казалось, что мой мозгъ сталъ ослабѣвать, и я начинаю впадать въ старческое слабоуміе... Но я не чувствовалъ себя слабоумнымъ, я рассуждалъ вполне здраво и дѣйствовалъ логично, а то, что у меня завелась любовница, я не считалъ признакомъ упадка умственной и нравственной дѣятельности. Вѣдь, я любилъ Нюру такъ же искренне и горячо, какъ любилъ когда-то свою жену.

Однажды я задалъ себѣ вопросъ, да люблю-ли я только Нюру, именно ее, или вообще всякую молодую женщину, и не смогъ опредѣленно отвѣтить. И мнѣ казалось, что, если-бы не было Нюры, я все равно полюбилъ-бы первую попавшуюся молодую женщину за ея стройную фигуру, легкую походку, за ея рѣчь, за ея миловидное личико, голубые или черные глаза, румянецъ и нѣжность щекъ, прядку колеблемыхъ вѣтромъ бѣлокурыхъ волосъ изъ-подъ красивой шляпки.

Вы скажете: «ну, дѣло ясно, вы просто бабникъ, блудникъ или пошлая личность, какиихъ сотни тысячъ попадаютъ на каждомъ шагѣ!». Хорошо, а что вы скажете, если при случайной встрѣчѣ съ женщиной, конечно, молодой и недурненькой, я тотчасъ начиналъ идеализировать ее въ воображеніи, рисовать картины чистой, платонической любви, желать прикосновенія, только прикосновенія ея руки, ея нѣжнаго взгляда, слышать отъ нея хорошее, ласковое слово. И больше ничего. И воображеніе подсказывало мнѣ цѣлое огромное счастье, гдѣ-нибудь далеко-далеко отъ людей, въ тихомъ, укромномъ уголкѣ, счастье вдвоемъ! О, какъ я завидовалъ молодымъ въ такія минуты, какъ я жаждалъ для себя молодости, и я, дѣйствительно, чувствовалъ себя иногда совсѣмъ, совсѣмъ молодымъ.

Нюра не разочаровывала меня, наоборотъ, поддерживала меня въ моихъ иллюзіяхъ. Всѣ кругомъ говорили, и жена первая, что у Нюры былъ расчетъ, самый простой, грубый расчетъ. Я этому и вѣрилъ и не вѣрилъ, и не убѣдился до сихъ поръ. И въ то, что она меня любитъ, я тоже вѣрилъ и не вѣрилъ и тоже не убѣдился до сихъ поръ!

Представьте душевное состояніе такого человѣка! Сегодня днемъ обласканный, зацѣлованный, горделиво увѣренный въ томъ, что любимъ, я уйду домой, а къ вечеру не успѣть еще стереться съ губъ ощущеніе ея горячихъ поцѣлуевъ, какъ уже демонъ сомнѣнія начинаетъ нашептывать въ уши:

«Не вѣрь! Лжетъ, притворяется! Излишняя нѣжность и ласковость въ женщинѣ—зловѣщій признакъ. Ты не замѣтилъ, какъ она старалась выпроводить тебя? А помнишь, какъ она проговорила, что ее сопровождалъ въ театръ одинъ молодой человѣкъ? Припомни-ка, какъ она была возбуждена въ этотъ вечеръ? А ея сознаніе въ томъ, что она «такъ любитъ флиртъ»? А ея постоянное упоминаніе о поклонникахъ? Нѣтъ, а главное-то, главное: почему она не облеклась, по обыкновенію, въ домашній капотъ, а оставалась все время въ платьѣ и затянута въ корсетъ, который ее стѣсняетъ? Ну-ка, поразмысли хорошенько объ этомъ!»

Я размышлялъ. Долго, мучительно, и результатомъ являлось то, что я начиналъ ее ненавидѣть. Вотъ когда я убѣдился въ извѣстномъ афоризмѣ, что самая горячая любовь быстро переходитъ въ такую же горячую ненависть...

Иногда Нюра при мнѣ начинала кокетничать съ другими; однажды, когда мы ѣхали по желѣзной дорогѣ, изъ отдѣленія для некурящихъ, гдѣ мы сидѣли, она пересѣла въ отдѣленіе, гдѣ были какіе-то подвыпившіе офицеры, и всю дорогу ѣхала, сидя рядомъ съ однимъ изъ нихъ, несмотря на то, что тотъ курилъ крѣпкую сигару...

Мнѣ въ голову не приходило, что всѣ эти фокусы, всѣ эти мучительства надо мною она могла продѣлывать съ цѣлью подогрѣванія во мнѣ интереса къ себѣ, возбужденія ревности. Я былъ настолько простъ, да и остался такимъ до сего дня, несмотря на основательное, повидимому, знакомство съ женской психологіей, что всѣ эти ея выходки при-

нималь за чистую монету... Если мужчина не хочет быть порабощенъ женщиной, быть подъ башмакомъ, плясать по бабьей дудкѣ, онъ долженъ быть самоувѣренъ.

Этого драгоценнаго свойства во мнѣ не было никогда, и я всегда пасовалъ передъ женщинами, а всѣ эти фокусничества и издѣвательства Нюры я принималъ за чистую монету. Долженъ сознаться—мучила она меня порядочно, и только изъ любви къ ней я не только переносилъ, но даже какъ-то не замѣчалъ, вѣрнѣе—старался не замѣчать, ея издѣательства. Я все прощалъ ей, желая одного: чтобы она любила меня, и весь ужасъ моего положенія заключался въ томъ, что я не зналъ, любить-ли она меня...

Иногда, въ шутку, я говорилъ, что я ее задушу, она наивно и просто спрашивала меня: за что, я начиналъ разсуждать, за что бы я могъ ее задушить, и оказывалось, что не за что, рѣшительно не за что.

Что она легкомысленна, что она любить флиртъ, общество мужчинъ, я это зналъ, и зналъ давно, до того момента, какъ сошелся съ нею, но способна-ли она на преступленіе, на измѣну, я этого не зналъ, и это меня бѣсило. Въ ея жизни былъ одинъ эпизодъ случайности, когда она, какъ мнѣ говорила, вслѣдствіе несчастныхъ стеченій обстоятельствъ, вынуждена была отдаться одному человѣку. Я зналъ этого человѣка, зналъ, что съ женщинами,—вниманіемъ которыхъ онъ былъ избалованъ,—онъ былъ большой наглець, и, конечно, случай съ нею могъ быть таковымъ, какъ она мнѣ его передавала, но этотъ человѣкъ былъ красивъ, обладалъ изящными манерами, я зналъ, какъ неотразимо дѣйствуетъ на женщинъ первое и второе, да и случай-то этотъ произошелъ послѣ одного торжественнаго ужина съ основательнымъ возліаніемъ, и я, повѣривъ ей отчасти въ первую минуту, потомъ, обдумавъ все и поразмысливъ,—не повѣрилъ.

И это запало въ мою душу навсегда.

Были моменты, когда я съ какимъ-то внутреннимъ воплемъ спрашивалъ себя:

«Да чего же ты хотѣлъ-бы отъ нея? Развѣ ты слѣпой, развѣ не видишь, кто и что она? Вѣдь, именно то, противъ чего ты сейчасъ протестуешь, всегда нравилось и будетъ нравиться тебѣ. Вѣдь, на эту только приманку ты и пошелъ! Такъ будь же справедливъ и къ ней, и ко всѣмъ. Почему же ты хочешь, чтобы все, что идетъ отъ нея, было только для тебя одного? Будь же справедливъ. Обаятельная женщина должна быть обаятельной для всѣхъ; она должна быть подобной солнцу, которое одинаково освѣщаетъ своими лучами и роскошный пейзажъ, и грязныя городскія улицы съ отвратительными лохмотьями нищеты. Скажи кому-нибудь, что ты хочешь спрятать солнце для себя, тебя назовутъ сумасшедшимъ, идиотомъ».

Пробуя такимъ образомъ убѣдить себя, я въ то же время протестовалъ:

«Нѣтъ, говорилъ я себѣ,—она не такая. Это не гетера, это простая, скромная, тихая женщина. Что съ того, что у ней было прошлое, былъ этотъ господинъ, которымъ она, можетъ быть, и увлеклась? Вѣдь, увлекаемся же мы, мужчины, даже и не увлекаемся, а просто развратничаемъ. Однако, не посвятила же она себя всю такого рода «увлеченіямъ», не сдѣлала изъ этого профессіи. Наоборотъ, она живетъ тихо, трудится, тамъ, гдѣ она живетъ, такъ все чисто, прибрано, на всемъ видна заботливая, хозяйская рука, такъ у ней уютно, такъ отдыхаешь у ней душой».

И вот эти контрасты: съ одной стороны, хозяйственность, домовитость, любовь къ уюту, къ своему садику, къ цвѣтамъ, съ другой—тяготѣніе къ флирту, способность по цѣлымъ часамъ кокетничать и болтать самый пошлый вздоръ съ мужчинами, приводили меня и въ недоумѣніе, и въ ярость.

Я любилъ, и проклиналъ, и метался, какъ звѣрь въ желѣзной клеткѣ. Я чувствовалъ, что будто какая-то тонкая-тонкая и вмѣстѣ крѣпкая, какъ сталь, паутина обволакиваетъ мой мозгъ, сердце, руки, ноги, весь организмъ, а главное мою волю, волю мою, которую я ни за что никому-бы не отдалъ, и я становлюсь слабымъ, жалкимъ, уподобляюсь слабоумному сладострастнику старику. Я пересталъ интересоваться всѣмъ, что такъ или иначе не связывалось съ интересами Нюры, я порвалъ съ знакомыми, съ друзьями и, изъ ревности, боялся заводить новыя знакомства, желательныя ей.

И мы жили въ большомъ столичномъ городѣ, какъ на необитаемомъ островѣ, что давало ей поводъ жаловаться: «развѣ это жизнь, я не живу, а прозябаю».

— Чего же, чего тебѣ нужно?—спрашивалъ я,—ты хочешь посѣщать театры, концерты, балы, маскарады, хочешь танцовать, кокетничать, флиртовать...

— Не знаю,—отвѣчала она,—я хочу жить. А развѣ это—жизнь? Дѣйствительно, это была не жизнь, а какое-то сплошное мученіе.

Въ способахъ обоюднаго мучительства былъ одинъ, чаще всего употреблявшійся нами: мы переставали видѣться. Такъ, ни съ того, ни съ сего...

Иногда она, уходя съ работы и зная, что я по обыкновенію долженъ ее встрѣтить на углу извѣстной улицы, нарочно поворачивала въ другую, а я, обманутый, стоялъ по часамъ и ждалъ...

Но чаще всего я переставалъ ее посѣщать. День за днемъ проходили недѣли, а я все не показывался.

Въ сущности я видѣлъ ее каждый день, потихоньку поджидая ея выхода въ воротахъ или въ подъѣздѣ ближайшаго къ ея службѣ дома... Ничего не подозрѣвавшая, она проходила мимо, а я воровски слѣдилъ сзади, и когда мнѣ казалось, что какой-то мужчина что-то ужъ очень долго идетъ рядомъ съ нею, вся кровь бросалась мнѣ въ голову, сердце больно сжималось, забывъ всякія предосторожности, я ускорялъ шагъ—мужчина или обгонялъ ее, или поворачивалъ за уголъ, и я съ облегченіемъ переводилъ духъ.

Комедія эта обыкновенно кончалась тѣмъ, что я какъ-бы нечаянно сталкивался съ нею, оба мы дѣлали удивленные фізіономіи, я отправлялся къ ней, и тамъ начинались безумства любви.

Затѣмъ я каялся, клеймилъ себя самыми позорными кличками, но оторваться отъ Нюры не могъ: крѣпка была паутина, которою она обволокла меня... Впрочемъ, она-ли? Можетъ быть, я самъ?..

IV.

— Не знаю, понятно-ли вамъ все это?—продолжалъ онъ,—можетъ быть, я недостаточно выяснилъ вамъ то,—тутъ онъ усмѣхнулся,—чего не могу выяснить самому себѣ, но для васъ должно быть ясно одно, что наша, такъ называемая, «любовь» была однимъ мученіемъ. Кончилась она,—какъ я уже вамъ говорилъ,—тѣмъ, что я Нюру убилъ.

— Какъ? И безъ всякаго повода?—изумился дачникъ.

— Да, пожалуй, безъ всякаго. Поводъ былъ, но самый пустяч-

ный... Мы поссорились при выходѣ изъ ресторана. Въ ресторанѣ за однимъ изъ столиковъ сидѣлъ какой-то немолодой господинъ. Въ первый моментъ я его даже не разглядѣлъ хорошенько,—я былъ порядочно выпивши, потомъ, когда онъ подошелъ къ намъ,—мы уже уходили,—я узналъ въ немъ одного знакомаго, съ семействомъ котораго была знакома Нюра. Этотъ господинъ какъ-то по-отечески чмокнулъ ее въ лобъ,—кажется, онъ тоже былъ выпивши,—и, уже въ вестибюль, помогая ей надѣть шубку, сказалъ мнѣ: «поберегите Нюру!». Я отвѣтилъ ему не помню какой-то дерзостью. По дорогѣ домой мы съ Нюрой молчали, а прѣхавши начали ссориться. Слово за слово, она попрекнула мнѣ невѣжливымъ обращеніемъ съ этимъ человѣкомъ. «Ты такъ непозволительно грубо вель себя съ этимъ господиномъ, что я чуть было не ушла съ нимъ!»

Тутъ я обрушился на нее съ такою бранью, что стыдно вспомнить, называлъ ее заштатной любовницей этого господина, кричалъ, что она меня обманываетъ, ведетъ себя, какъ самая послѣдняя женщина...

Нюра не оставалась въ долгу, все сильнѣе и сильнѣе возбуждая во мнѣ ненависть. Да, тутъ я еще лишній разъ убѣдился, что любовь есть ненависть потому, что, кромѣ самой искренней ненависти, я ничего не чувствовалъ къ этой женщинѣ. Въ одну минуту мнѣ вспомнилось все: мое в н ѣ д р е н ь е, моя рабская зависимость, вспомнилась обида за то униженіе своему самолюбію, которое я испытывалъ, когда выслѣживалъ Нюру, вспомнилъ нѣсколько сказанныхъ ею язвительныхъ словъ по поводу моей собачьей привязанности, вспомнилъ, что изъ-за Нюры я разбилъ свое семейное счастье,—не счастье, а все-таки спокойствіе, что изъ-за нея я отошелъ отъ общества, отъ знакомыхъ, все это я вспомнилъ и высказалъ ей торопясь, обрываясь, какъ въ горячкѣ, и когда она спокойно замѣтила: «ну, если это все такъ, то зачѣмъ же дѣло стало? Уходите, васъ никто не держитъ»,—я, не помня себя, не отдавая отчета, какъ это случилось, выхватилъ изъ кармана маленькій, паршивенькій револьверишка «бульдогъ» и, желая испугать, дуломъ направилъ на нее.

Она должна была молчать, но она воскликнула, смѣясь:

— Ахъ, какія страсти! Скажите, пожалуйста.

Значитъ это все глупая комедія, а я глупый, жалкій комедіантъ? Съ какимъ же презрѣніемъ здѣсь, въ этой комнатѣ, она будетъ смотрѣть завтра на меня.

Я нажалъ гашетку, раздался выстрѣлъ. Она вскрикнула, пошатнулась. Тогда у меня явилось то, что бываетъ у охотника, ранившаго звѣря: желаніе, непреодолимое, хищническое желаніе—наслажденіе добить. Я нажалъ гашетку еще и еще, и помню, когда Нюра опустилась на полъ, у меня вдругъ блеснула мысль окончательная и свѣтлая:

«Она не будетъ никого больше обманывать!»

Потомъ я рыдалъ и бился около ея похолодѣвшаго тѣла въ корчахъ отчаянія, потому что зналъ, теперь только зналъ, что она никого не обманывала и меня менѣе, чѣмъ кого бы то ни было, потому что зналъ, что она—солнце, которое не виновато въ томъ, что оно даетъ тепло и ласку и дурнымъ, и хорошимъ,—вѣдь, оно такъ далеко отъ всѣхъ!—и еще потому, что эта бѣдная, маленькая женщина, со своей бѣдной, маленькой жизнью, все-таки хотѣла и имѣла право хотѣть жить...

Порожневъ замолчалъ, повернулся ничкомъ и такъ и остался лежать лицомъ къ землѣ...

К. Баранцевичъ.

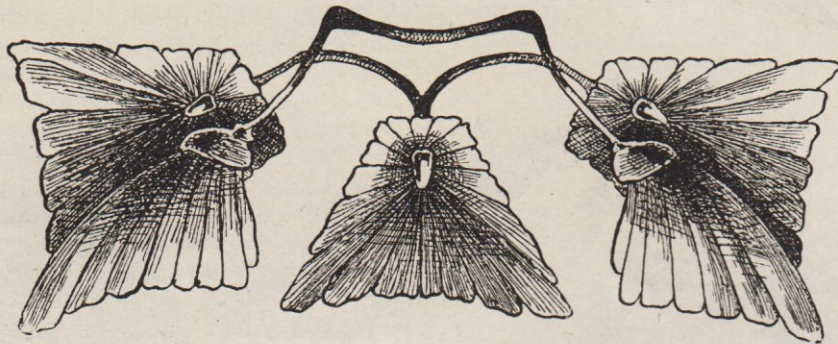
* * *

Уютный старый домъ дышалъ весь простотой,
Среди зеленыхъ липъ колоннами бѣля.
Часть стѣнъ его закрылъ зеленый плющъ густой,
И старая заглохшая аллея
Вела къ нему...

У сорванныхъ воротъ
Часть липъ лежала, вырвана съ корнями,
И вмѣсто яблони обугленный уродъ
Сожженными тянулся къ небу пнями,
И, словно жалобу, онъ гнѣвно небу несъ
И угрожалъ кому-то черной лапой.
Во всемъ кругомъ застылъ мучительный вопросъ,
А на угляхъ бѣлѣлъ разбитый мраморъ статуй.
Уютный, бѣлый домъ, зеленый плющъ густой,
Часть крыши сорванной закрыла и алѣеть.
Разбитая стѣна зияетъ пустотой
И жуткой тишиной изъ комнатъ сумракъ вѣетъ...

Валеріанъ Ф.

Папаша.

Разсказъ С. Гарина.

Туманъ окутывалъ городъ, и изъ окна всѣ предметы казались расплывчатыми, будто опущенными въ сосудъ съ мыльной водой. А вдали чернѣли контуры домовъ, смутные, какъ призраки, охваченные чьими-то холодными мертвыми объятіями... Однотонное, бурое небо, такое же тоскливое, какъ и сегодняшній день, не общало ничего въ грядущемъ. И не хотѣлось жить, видя такое небо; не хотѣлось думать ни о чемъ радостномъ и свѣтломъ...

Провинціальная актриса Дунаева-Ростовская, волнуясь и нервничая, ходила по роскошному номеру первоклассной гостиницы, ежеминутно раскрывала маленькіе часики и тревожно прислушивалась.

Иногда она подходила къ письменному столику и въ сотый разъ читала лежавшую раскрытую телеграмму:

«Je viendrai midi. Ton père!» *).

Передъ Дунаевой-Ростовской вставало прошлое, потонувшее въ былыхъ слезахъ, страшное своимъ холодомъ; вставала юность безрадостная, одинокая и мрачная, какъ лѣсная дорога осенью... И смутно, какъ во снѣ, длинной вереницей мелькали въ этомъ прошломъ чьи-то лица, когда-то дорогія, теперь—далекія и чуждыя... И между ними хотѣлось вспомнить лицо отца, его выраженіе, особенный блескъ сѣрыхъ, холодныхъ глазъ.

Прошло почти двадцать лѣтъ съ того дня, когда Дунаева-Ростовская покинула родной городъ. Тогда она еще не была актрисой, не имѣла того крупнаго имени, какъ сейчасъ. Была только что окончившей гимназисткой, мечтавшей о подмосткахъ, о которыхъ и слышать не хотѣла семья.

Лидочка (а въ семьѣ ее звали «Люся») знала объ этомъ и тайкомъ бѣгала въ городской театръ, пряталась гдѣ-нибудь за колонну и жадно глотала глазами все, что происходило на сценѣ. А, придя домой, не моргнувъ глазомъ, лгала о томъ, что была она у подруги, что было очень весело и т. д...

Сначала вѣрили, а затѣмъ стали подозрѣвать и, наконецъ, уличили... Наступила полоса скандаловъ, угрозъ, чуть-ли не насилья.

Особенно возмущалась и неистовствовала мачеха:

*) Буду въ полдень. Твой отецъ.

— Полюбуйся! Полюбуйся на свою дочь!—съ пѣной у рта кричала она Лидочкиному отцу.—Ты—самый уважаемый человѣкъ въ городѣ, не сегодня-завтра ты вице, а затѣмъ и губернаторъ, а у тебя дочь... актриса!.. Актри-иса!.. Боже, какъ это великолѣпно!

Мачѣха знала, чѣмъ уколоть отца. Это былъ сухой и щепетильный чиновникъ губернскаго правленія, педантичный и аккуратный, боявшійся больше всего, «что скажетъ княгиня Марья Алексѣвна»!

И онъ звалъ къ себѣ Лидочку, запирался съ ней въ кабинетъ и по цѣлымъ часамъ читалъ ей нотацию о томъ, что умная, интеллигентная дѣвушка, изъ хорошей, чиновной семьи, не имѣетъ права позорить свой родъ подобной профессіей.

Онъ говорилъ:

— Допустимъ даже, что у тебя обнаружится талантъ... Вообразимъ, что ты станешь великой актрисой, ну, что-ли... какъ Рашель или Коммиссаржевская... Но, вѣдь, пока ты дойдешь до этого,—сколько горя... униженія... поруганнаго чувства и человѣка и женщины вынесешь ты, милая Люся!.. Да, когда и придетъ слава—будетъ-ли она дѣйствительно той настоящей и почетной славой, изъ-за которой можно идти на закланіе, изъ-за которой стоитъ все перенести?! Ну, я понимаю: слава писателя... слава художника! Она переживетъ ихъ въ ихъ же твореніяхъ... А актеры...

Онъ ласково, насколько это ему удавалось, опускалъ свою руку на плечо дочери и продолжалъ:

— Гдѣ всѣ эти Мочаловы, Каратыгины, Щепкины и такъ далѣе?! Они живутъ только по наслышкѣ, и не осталось послѣ нихъ ничего, чтобы кто-нибудь изъ насъ могъ безпристрастно опредѣлить: да правда-ли, что они были такъ велики?! Да не пересолили-ли современники?! не покривили-ли душой при оцѣнкѣ?!

Люся слушала, падало у ней сердце, сомнѣнія закрадывались въ душу, и все дѣйствительно иногда казалось ей мишурой, сомнительнымъ и призрачнымъ счастьемъ...

Но когда отецъ выпускалъ ее изъ кабинета, и она уходила въ свою комнату—ярко вспыхивали опять въ ея возбужденномъ мозгу огни любимой рампы, слышались дивные голоса героевъ и героинь, рождались образы...

И снова жажда самой познать сладость подмостковъ овладѣвала дѣвушкой.

Въ одинъ зимній сезонъ, когда отецъ съ мачехой увидѣли, что съ Люсей ничего не подѣлаешь, и стали отпускать ее въ театръ,—дѣвушка ушла совсѣмъ изъ дома.

Случилось это какъ-то сразу, неожиданно, хотя безсознательно подготовлялось давно.

Въ драматической труппѣ, игравшей въ этотъ сезонъ, былъ герой—любовникъ Корельскій. Онъ сразу сдѣлался кумиромъ публики, особенно дамъ и дѣвицъ. Всѣ стремились съ нимъ познакомиться, получить отъ него карточку, какой-нибудь сувениръ...

Познакомилась съ нимъ и Люся, увлеклась имъ и, среди сезона, уѣхала съ нимъ изъ города...

Это было кошмарное время, во время котораго было много пережито. Хорошо всего Дунаева-Ростовская сейчасъ и не помнитъ. Помнитъ только, какъ много слезъ пролила она надъ письмомъ изъ дому, въ которомъ отецъ проклиналъ свою безпутную дочь...

Попрежнему катилось огромное колесо жизни. Бѣжали и смѣ-

нялись короткіе и длинныя дни, радостныя и печальныя. Некогда было остановиться на какомъ-нибудь изъ нихъ—до того быстро шли волны переживаній.

Были муки и радости сценичныя; были восторги и разочарованія.

И вотъ, черезъ двадцать почти лѣтъ, изъ скромной гимназистки Люси образовалась крупная провинціальная актриса Дунаева-Ростовская... О ней восторженно пишутъ газеты... она получаетъ въ солидныхъ антрепризахъ крупныя оклады... ее приглашаютъ въ столицу...

Корельскаго давно уже нѣтъ около нея, какъ нѣтъ уже многихъ, которые приходили ему на смѣну... И все горѣло въ ея душѣ пламенемъ острымъ и быстрымъ, не оставляя въ душѣ пепла ни раскаянья, ни жалости. И только далекій образъ отца, хотя и суроваго, но нѣжно любимаго, неугасимой лампадой теплился въ ея сердцѣ... Это было святая-святыхъ Дунаевой-Ростовской, и въ минуты отчаянія, сомнѣній и разочарованій артистка находила въ этомъ образѣ подкрѣпленіе.

Сейчасъ отецъ долженъ придти. Онъ давно уже губернаторомъ въ одной изъ лучшихъ губерній, и самъ разыскалъ ее здѣсь, въ Москвѣ, гдѣ онъ, вѣроятно, проѣздомъ.

И Дунаева-Ростовская мучительно считаетъ минуты, и порой ей кажется, что ехидное время умышленно останавливается, чтобы только отсрочить это неожиданное счастье встрѣчи.

* * *

Въ дверь постучали. Дунаева-Ростовская, присѣвшая было у письменнаго стола, рванулась и побѣжала къ двери:

— Войдите... войдите!

Въ приотворенную дверь сначала просунулась рука, затѣмъ красныя отвороты шинели, плечо съ витыми погонами... И, наконецъ, показался отецъ... Онъ держалъ фуражку съ краснымъ околышемъ въ рукѣ, затянутой въ бѣлую перчатку, а въ другой трость съ золотымъ набалдашникомъ.

— Можно?

Она быстро взглянула на его лицо. Оно было такое же сѣрое, съ насупленными сѣдыми бровями, и только усы больше побѣлѣли, да подъ глазами ярче легли мѣшечки.

И бросилась къ нему, и застыла у его лица, обжигая ихъ слезами. А онъ тихо отстранилъ ее, слегка прикоснувшись къ ея щекѣ мокрыми отъ тумана усами...

— Погоди... погоди, мой другъ... не все сразу!

Медленно вошелъ въ переднюю, снялъ шинель, неспѣша вытеръ шелковымъ платкомъ лобъ и усы, оправилъ бока виць-мундира, Владимиръ на шеѣ и прошелъ съ нею въ номеръ.

— Хорошо у тебя...—не то покровительственно, не то по-чиновничьи оглядѣлъ онъ комнату...—Сколько платишь?

Дочь сдѣлала широкіе глаза—такъ рѣзануль ее этотъ вопросъ, — но отвѣтила...

— Дорого!—сказалъ отецъ, садясь въ кресло.—Я знаю гостиницы, гдѣ, напримѣръ, останавливаются посланники... губернаторы... Тамъ такой же номеръ дешевле! Ну-съ...—онъ прищурился,—очень радъ, что ты, наконецъ, выбилась на дорогу!.. Слышалъ... много слышалъ о тебѣ... читалъ!

Люся смотрѣла на него, и ей хотѣлось крикнуть, что не то это все, что не такой встрѣчи, не такихъ вопросовъ ждала она отъ него... Ей

Курцвели

ЗА БУДУЩЕЕ.

хотѣлось поплакать у него на груди хорошими, былыми, дѣтскими слезами... хотѣлось рассказать ему, любимому въ мечтахъ, какъ часто она обливала слезами его портретъ, выцвѣтшій и потрескавшійся, но безконечно дорогой...

И она начала, со спазмой въ горлѣ:

— Отець...

— Папа!—холодно поправиль онъ ее,—я не люблю, мой другъ, когда меня называютъ «отець»!.. Это только духовныхъ особъ именуютъ отцами!

Люсѣ сдѣлалось смѣшно, страшно смѣшно... Боже, какая она была глупая и наивная, какъ маленькая дѣвочка, что страдала такъ много и совершенно ненужно страдала!

И она заговорила быстро, какъ опытная и искушенная актриса, смѣясь и играя,—заговорила такъ, будто сидѣлъ передъ нею не родной отецъ, а кто-то чужой, важный и сановный, предъ которымъ нужно было блеснуть и умѣньемъ держать себя, и тономъ.

Онъ просидѣлъ съ полчаса, отговариваясь дѣлами, и ушелъ, приглашая дочь въ свой губернаторскій домъ, какъ-нибудь... отдохнуть и развлечься...

Нырнула въ полумракъ коридора его спина, мелькнулъ хлястикъ шинели, обшитый краснымъ кантомъ... закрылась дверь номера, и Дунаева-Ростовская осталась одна...

Стояла нѣсколько мгновений въ передней, смотря на затворенную дверь странными, смѣющимися глазами и медленно пошла къ окну...

За нимъ было все то же однотонное, бурое небо, не обѣщавшее ничего въ грядущемъ...

И не хотѣлось жить,—не хотѣлось думать ни о чемъ радостномъ и свѣтломъ.

С. Гаринъ.

Прощаніе.

Ну, что-жь... Прощай! Не плачь, моя родная!
Перекрести меня напутственнымъ крестомъ,
Чтобъ тамъ, на полѣ брани умирая,
Я могъ уснуть покойно вѣчнымъ сномъ.

Прощай... Но помни: сынъ твой—сынъ Руси великой,
И мать ему, какъ ты, родная мать—страна.
Подъ знамена насъ всѣхъ зоветъ она,
Чтобъ отразить намъ вызовъ силы дикой.

Ты слышишь бранный кличъ!.. Съ поднятой головою,
Съ восторженной душой мы на врага идемъ.
И осѣненные молитвой намъ родною
Мы побѣдимъ, или умремъ.

Итакъ, прощай. Не плачь, моя родная,
Перекрести меня напутственнымъ крестомъ,
Чтобъ тамъ, на полѣ брани умирая,
Я могъ уснуть покойно вѣчнымъ сномъ.

Запасный рядовой *Г. Ланцевъ.*

Какъ въ сказкѣ.

Разсказъ А. Туркина.

Гудить трава....

Она гудить мягко, расплывчато, какъ шелкъ. Подъ этотъ ласковый бархатный шорохъ хочется надолго закрыть глаза и думать о чемъ-нибудь свѣтломъ и добромъ, забыть навсегда все ненавидящее на землѣ—жестокое и бессмысленное. Есть что-то святое, примиряющее въ вѣчныхъ тайнахъ земли, въ мягкомъ шорохѣ травъ и колосевъ, дружно обнявшихся...

Въ травѣ сверкаютъ цвѣты—ихъ особенно много этимъ лѣтомъ. Старая, сѣрая земля, вся сожженная въ прошломъ, нынѣ смѣялась отъ теплыхъ дождей, дышала горячо полной грудью и брызнула кругомъ цвѣтами... Какъ дѣти, въ разноцвѣтныхъ платьяхъ, бѣгутъ они и прячутся въ густой сочной травѣ. Маячатъ головками, кланяются, ныряютъ и кричатъ, вмѣстѣ съ толстыми и звонкими шмелями, о солнечной и короткой радости жизни...

Гудить трава, смѣются цвѣты. Недалеко лѣниво ползеть рѣка—вѣчная рабыня земли—переливается на солнцѣ и, будто, сгнула навѣки въ зеленыхъ ракетахъ впереди. А дальше, за ней, вплоть до четкаго горизонта, раскинулись поля, и рѣзко выдѣляются, на фонѣ зелени, квадраты почти созрѣвшей ржи.

Тихо и сонно на заимкѣ, гдѣ на лѣто поселились Петровы. Здѣсь выстроены всего двѣ избы: въ одной живетъ хозяинъ—Николай Ивановичъ Пузыревъ, въ другой—Петровъ съ семьей. Кромѣ избъ, имѣется еще палатка, которую заботливо, для самого Петрова, устроилъ Николай Ивановичъ. Она сдѣлана частью изъ стараго полога, частью изъ половиковъ, а на самомъ верху ея красуется огромная красная заплата, въ формѣ полумѣсяца. Ночью въ палатку—въ щели и продухи—забираются тучами комары, пушистыя бабочки, залетаютъ и серьезные жуки. Все это гудить, звенить, шуршитъ около самой головы, и вся короткая ночь почти уходитъ на борьбу... Только, подъ свѣжее росистое утро, затихаютъ насѣкомыя и, точно обезсиленные, бьются о верхъ палатки.

Несмотря на безсонныя ночи и на протесты семьи—Петровъ спалъ въ палаткѣ. Ему очень нравились эти короткія лѣтнія ночи,

съ запахомъ земли, такія душистыя и странно тревожныя отъ той, несомнѣнно, огромной жизни, что кипѣла незримо вокругъ: въ травѣ, въ воздухѣ, у рѣки, на пашняхъ... Еще съ вечера, у палатки, точно по командѣ, начинали трещать коростели. Начинали степенно, прислушиваясь ревниво другъ къ другу, но къ полночи, когда густѣла темнота, они подбѣгали близко—къ самымъ измамъ—и не было уже слышно отдѣльныхъ выкриковъ, а все сливалось въ одинъ сплошной, сладострастный хрипъ... Какъ по командѣ-же, на минуту, обрывали сразу, и только въ эти интервалы можно было услышать удары перепеловъ, неприятный, скрипучій крикъ совы, или густое, сочное кряканье кѣмъ-то испуганной утки на рѣкѣ...

Подъ утро уже совсѣмъ не хотѣлось спать потому, что утро, въ великомъ рожденіи своемъ, несло съ собой новыя краски, музыку и тѣни... Искусанный комарами, съ опухшимъ лицомъ, Петровъ вылѣзъ изъ палатки и начиналъ слѣдить, какъ тонкія полосы дрожащаго свѣта все шире залегали въ небѣ, точно просачивались сквозь черный траурный флеръ. Отъ этого гасли звѣзды, будто кто-то тихо и любовно тушилъ небесныя свѣчи, а блѣдный разсвѣтъ мягко спускался на землю—еще робкій и неувѣренный... Сначала онъ, на фонѣ чернаго горизонта, очерчивалъ курганы и перелѣски тонкими, изящными гранями, спускался къ низинамъ и гналъ тревожно-мятущейся мракъ... вмѣстѣ съ сизоватымъ туманомъ, тонкимъ и волнистымъ, какъ кружева, разсвѣтъ вливался въ рѣку, обозначалъ контуры ракиты и опять двигался дальше, непобѣдимый и радостный, какъ молодой богъ... И было что-то гордое и прекрасное въ этихъ молчаливыхъ схваткахъ небснаго свѣта съ угрюмымъ, бѣгущимъ мракомъ!..

Начинали чирикать птицы, и Петровъ не могъ уже совсѣмъ спать. Онъ одѣвался и шелъ въ избу, гдѣ тихо, стараясь не разбудить жену и дѣтей, славилъ себѣ самоваръ. Въ палаткѣ на столѣ, сколоченномъ изъ старыхъ досокъ, онъ устраивалъ все необходимое для чая и радовался, что вокругъ поднимается музыка ранняго утра, что затрепеталъ первый лучъ солнца, засверкала рѣка, обозначились влажные колосья на сосѣдней пашнѣ...

Онъ пилъ чай и думалъ, что хорошо скараулить молодое, росистое утро, смотрѣть, какъ чеканятся курганы и блеститъ рѣка сквозь бѣлый кружевной туманъ... Хотѣлось еще думать о чемъ-нибудь человѣческомъ, но мысли таяли отъ первыхъ солнечныхъ стрѣлъ, отъ рокоота птиць, отъ вздоховъ зеленой шири... Слабый, душистый вѣтерокъ—рѣзвое дитя степи—чуть треплетъ полотно палатки, сбросилъ со стола папиросную гильзу и бѣжитъ дальше, къ колосьямъ... Надъ рѣкой уже сверкають чайки, кричить протяжно пиголица и звенитъ грустно авдошка. И вдругъ, совсѣмъ близко, гаркнетъ, точно захохочетъ, бѣлый куропать...

Недалеко отъ палатки, около избы хозяина заимки, начинается жизнь. Прежде всѣхъ медленно выходитъ за ворота работникъ Степанъ, широко зѣваетъ, крестить рукой ротъ и тутъ-же вертитъ цыгарку. Закуриваетъ, подходитъ къ палаткѣ и говоритъ Петрову хриповато:

- А вы уже встали? Чай съ сахаромъ!
- Пожалуйте, Степанъ...
- Что рано встали? Вѣдь, господа въ городъ долго спать... Сѣдется и подастъ Петрову правую руку, у которой наполовину

нѣтъ пальцевъ. Когда-то, пьяный, Степанъ отморозилъ пальцы, но не любитъ вспоминать объ этомъ случаѣ. Онъ приземистъ, некрасивъ, постоянно дымить цыгаркой и ловко, какъ фабричный, сплевываетъ въ стороны. Любитъ поговорить о господахъ, о городѣ, объ образованности и даетъ понять собесѣднику, что знавалъ лучшія времена:

— Жилъ пять лѣтъ у Терентія Иваныча въ кучерахъ,—можеть, знаете его: мельницу паровую имѣеть... Эхъ, житье было! Повезешь барыню на резиновыхъ шинахъ, хватишь на рысакъ какъ слѣдуетъ, а барыня воркуеть сзади: «полегче, Степанъ, полегче!». А сама смѣется такъ весело... Пища какая была! Водка постоянно! И образованность тамъ другая... А здѣсь что? Хламъ одинъ здѣсь живетъ! Только нужда загнала меня...

...Петровъ приглашаетъ Степана выпить чаю, тотъ охотно подсаживается, но вдругъ, у воротъ, гремитъ зычный голосъ Николая Иваныча:

— Эй, Степанъ! Куда, дьяволь, опять провалился?

Странная робость охватываетъ Степана. Онъ бѣжитъ изъ палатки и бросаетъ, почти шопотомъ, Петрову на ходу:

— Ну... и образованность у нихъ!

Петровъ видитъ, какъ Степанъ смиренно подходитъ къ хозяину, а тотъ говоритъ густо:

— Надо седни начать косить на Бугрѣ, да смотри хорошенько за машиной: сломать не вздумай—на это вы всѣ мастера! Запряги Фильку и Авдотью...

Николай Иванычъ всѣхъ своихъ лошадей называетъ человѣческими именами, и это всѣ знаютъ на заимкѣ. Степанъ живо и послушно принимается за дѣло, а хозяинъ подходитъ къ плетенному коробку подъ навѣсомъ, раскачиваетъ его ногой и кричитъ зычно:

— Эй, князь! Будеть дрыхнуть!..

Изъ коробка медленно вылѣзаютъ два башкира: Аюпка, пастухъ, мальчикъ четырнадцати лѣтъ, и Гумаръ—второй работникъ у Николая Иваныча—красивый и стройный молодой башкиръ, съ большими, печальными глазами... Аюпка третъ кулаками лицо, чешетъ спину и для чего-то снимаетъ съ головы рваную тибитейку съ кисточкой. Николай Иванычъ сурово смотритъ на башкиръ и говоритъ:

— Можно выпасться, князь! У другихъ, вонъ, работники до свѣту встають... Ты, Гумаръ, поѣзжай съ Степаномъ на луга... Айда, пейте чай! Живо!

Башкиры послушно уходятъ въ избу, а Николай Иванычъ медленно направляется къ палаткѣ. Густо здороваётся съ Петровымъ, вытираетъ мокрый лобъ и говоритъ:

— Хочу помаленьку начать косить... Вотъ, вчера высчиталь: не менѣе 500 копенъ сѣна понадобится для скотины! Ну, клади еще: солома нынѣ своя будетъ, слава Богу... Да полынью купилъ для овецъ.

— Полынь?—нѣсколько удивленно спрашиваетъ Петровъ.

— Ну, да... Ежели высушить ее—шибко ѣдятъ овцы! Приходится, значить, все учитывать въ хозяйствѣ...

— Да...

Петровъ наливаетъ чаю, и Николай Иванычъ вытираетъ потъ и трубить.

— Теперь, хоть, разрывайся на части! Насталь сѣнокось, тамъ

скоро рожь поспѣетъ, а тамъ и пшеница... Разрывайся! Одинъ у меня, на свѣтъ, сынокъ родимый, да и тотъ...

Онъ обрываетъ, тяжело дышетъ и смотритъ въ землю. Петровъ молчитъ, хотя знаетъ—въ чемъ дѣло. Единственный сынъ Николая Иваныча, Никифоръ, учитель въ башкирской школѣ, нынѣшнее лѣто готовится въ городъ на званіе городского учителя. Николай Иванычъ самъ «благодарилъ» его на это, но боится, что сынъ потомъ «отойдетъ» отъ него совсѣмъ, когда вздумаетъ уйти учителемъ въ городъ...

— Скажите, для кого я трубилъ пятнадцать лѣтъ на арендѣ, для кого наживалъ я хозяйство? Все для сына! А сейчасъ одинъ разрывайся!..

— Онъ не отойдетъ отъ васъ, Николай Иванычъ, я знаю!—твердо говоритъ Петровъ.

— Не отойдетъ?

— Нѣтъ. Онъ самъ говорилъ мнѣ, что ему просто хочется пополнить знанія—это далеко не лишнее, конечно... Разъ есть возможность... Напротивъ: Никифору хочется жить вмѣстѣ, улучшить хозяйство, а знанія его пригодятся очень именно здѣсь, у башкиръ, разъ онъ подойдетъ къ людямъ просто и сердечно...

— Онъ такъ и говорилъ?

— Такъ и говорилъ...

— Ну, вотъ... Спасибо, Василій Иванычъ! Ежели такъ... Дай ему Богъ: учись... Пока, до-свиданія, Василій Иванычъ...

— До-свиданія...

Онъ уходитъ медленно, съ развалкой, широкой въ спинѣ, какъ лѣсная выскорь. Петровъ также хочетъ выйти изъ палатки, но маленькія дѣтскія руки, вдругъ, оплетаютъ его шею...

— Съ добрымъ утромъ, папа! Бѣдный папа, какъ тебя искусили комары!

Это Петя—младшій сынъ Петрова. Голоногій, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, свѣжій и румяный, онъ сжимаетъ шею отца и кричитъ:

— Папа, чай пить! Папа, удить идемъ?

Аюпка прогналъ мимо скотъ, заглянулъ въ палатку и показалъ Петрову змѣй, который смастерили ему дѣти. Улыбнулся во все широкое лицо и сказалъ:

— Губага будить литать!

Бросился за овцами и крикнулъ гортанно:

— Ор-р-ра!

За обѣдомъ, однажды, дѣти волновались. Это было очень замѣтно, и Петровъ спросилъ коротко:

— Въ чемъ дѣло?

Старшій, Сергѣй, сдѣлалъ серьезное лицо и сказалъ молодымъ, начинающимся баскомъ:

— Знаешь что, папа?

— Н-ну?

— Гумаръ проситъ насъ научить его читать: очень ему хочется...

Петровъ посмотрѣлъ внимательно на сына и отвѣтилъ:

— Надо научить, разъ проситъ...

— Азбуки нѣтъ, папа...

— Закажите въ городъ...

Мать взглянула на дѣтей, улыбнулась и добавила:

— Вотъ, и позанимайтесь съ Гумаромъ, чѣмъ цѣлые дни бѣгать...

Азбуку скоро достали, и вечерами, когда Гумарь былъ свободенъ, ребята начали учить его. Уроки происходили въ томъ плетенномъ коробѣ, въ которомъ спали Гумарь и Аюпка. Вначалѣ Аюпка презрительно посматривалъ на ученье, но потомъ не выдержалъ и началъ учиться, заодно съ Гумаромъ. И Петровъ, изъ палатки, слышалъ, какъ въ коробѣ тянули хоромъ:

— Ба-а-ба... Г-у-у-си...

Молодой басокъ Сергѣя иногда гнѣвно вибрировалъ, когда Аюпка безконечно и гнусаво коверкалъ слова. И Петровъ слышалъ, какъ сынъ волновался:

— Ты не понимаешь, Аюпка! Слушай сначала меня!

Маленькій Петя не выдерживалъ. Онъ хохоталъ безумно, когда Аюпка, смѣшно отвѣсивъ нижнюю губу, начиналъ гнусаво тянуть слова... Остальные тоже не выдерживали, и дѣтскій хохотъ звенѣлъ на заимкѣ, но Аюпка тянулъ гнусаво, а когда удавалось слово—онъ смѣшно подпрыгивалъ отъ радости и оралъ дико, какъ на орецъ:

— О-р-ра!

Гумарь учился важно и сосредоточенно. Красивый и стройный, съ большими, печальными глазами, онъ будто впивалъ въ себя каждую букву, легко и быстро запоминалъ ее и чисто выговаривалъ слова. Когда урокъ кончался—онъ бралъ за руку Сергѣя и просилъ:

— Пожалуста, учи завра!..

— Хорошо, Гумарь, хорошо...

Дѣти были приподняты и веселы. Иногда Сергѣй подходилъ къ отцу и говорилъ весело:

— Дѣло, папа, идетъ! Гумарь уже хорошо сливаетъ буквы, Аюпка тоже начинаетъ понимать...

— Отлично!—говорилъ Петровъ.—Отлично!

Разъ, когда пили чай, подошелъ Николай Иванычъ, поздоровался и тяжело опустился на стулъ:

— А я къ вамъ, Василь Иванычъ... Конечно, оно, можетъ, и неприятно вамъ...

— Въ чемъ дѣло, Николай Иванычъ? Говорите прямо...

— Видите ли... дѣтки ваши занимаютъ съ Гумаромъ... Оно хорошо, конечно, только для меня неловко: не во время! Гумарь у меня работникъ, а время горячее—часъ дорогъ!

— Вѣдь, дѣти занимаютъ вечеромъ,—вставила жена Петрова.

— Оно такъ, Авдотья Егоровна, такъ оно! Но Гумарка не сталъ спать по ночамъ: зажжетъ свѣчку да и зубрить въ коробкѣ! Упаси Богъ—вездѣ солома, пожаръ надѣлать можно! И не высыпается... На работѣ сонный ходитъ, а это намъ невыгодно... Свѣжій человѣкъ—другая работа, а сонному все наплевать! Работникъ, вѣдь, онъ! Учись у себя дома, никто не запретить...

Всѣ молчали. Дѣти смотрѣли на отца, и было замѣтно, какъ у Сергѣя потемнѣло лицо. Петровъ взглянулъ на жену и сказалъ тихо:

— Хорошо, Николай Иванычъ: дѣти оставятъ занятія...

— Вотъ, и спасибо! И Аюпку ужъ увольте отъ этого: тоже что-то гнусить изъ азбуки, а вчера теленокъ отбилъ и чуть не загибъ въ болотинѣ... Ну, до-свиданія! Ужь, извините...

Хозяинъ ушелъ, грузно переваливаясь. Всѣ долго молчали. Не выдержала жена:

— Это—твой хваленый Николай Иванычъ? Хорошъ, нечего

сказать!.. Даже сонъ человѣческой готовъ высосать въ свою пользу! Напрасно ты его не обрѣзалъ...

Петровъ молчалъ. Потомъ поднялся съ мѣста и отвѣтилъ:

— Нужно къ людямъ подходить такъ, чтобы не причинять имъ боли...

— Старая философія, идиллія, Василій Ивановичъ... Такимъ людямъ, какъ твой «хозяинъ», необходимъ отпоръ, ибо они уважають только силу... Что, въ сущности, онъ? Кулакъ, который впился въ башкирскую жизнь, платитъ гроши за аренду земли, живетъ паномъ!.. Ему, видите-ли, часъ жаль для работника на грамоту! Мерзость!

— У него, Дуня, свои соображенія, своя жизнь... Сейчасъ сънокось, послѣ этого рожь убирать, тамъ пшеница... Сынъ учится въ городѣ—нѣтъ рабочей силы... Хозяйство, ты пойми!

— Не безпокойся, голубчикъ... Зато у него 40 головъ скота, съеть полсотни десятинъ, птица, машины, огородъ... Ты сосчитай—чѣмъ это пахнетъ! Можетъ десять работниковъ нанять, а онъ хочетъ на двоихъ мальчуганахъ все это высадить... Нѣтъ, это... противный человѣкъ, извини!..

Петровъ молчалъ. Подошла апайка въ красномъ рваньѣ, протянула корзину съ ягодами и сказала:

— Карагаты! *)

Она не прятала лицо, и Петровъ видѣлъ ея широкія скулы, узкіе, черные глаза, приплюснутый носъ... Ее пригласили выпить чаю. Молча и жадно прильнула къ блюду.

Жена звенѣла посудой на столѣ и гнѣвно сверлила:

— Вотъ, э т а к и хъ здѣсь много, голодныхъ и больныхъ... А твой Николай Ивановичъ королемъ живетъ на чужой землѣ, даже не разговариваетъ съ этакими, не то, чтобы помочь...

Петровъ тихо пошелъ къ рѣкѣ, за нимъ направились дѣти. Что-то саднило въ душѣ, какъ заноза, хотѣлось остаться одному... И Петровъ сказалъ сыновьямъ:

— Вы... ужъ не занимайтесь съ Гумаромъ и Аюпкой...

Дѣти молчали, но Петрову казалось, что всѣ они мыслями были на сторонѣ матери...

Всю недѣлю, ночами, играли голубыя зарницы, и была странная, дикая красота въ почти немеркнувшихъ всполохахъ ихъ. Все озарилось длинно и красиво: небо, рѣка, избы, поля...

Развѣ можно было—въ сѣрой, однотонной жизни—часто наблюдать и чувствовать эти свѣтовые гаммы неба? Зарницы—пѣвучая печаль полей, тихій плачь давно похороненныхъ жизней, что миллионами лежатъ на погостахъ... На поляхъ, сѣрыми межами, бродятъ страдальческія тѣни, шелестятъ колосьями и все шепчуть о землѣ, что придавила ихъ на погостахъ... И все шепчуть о землѣ, для которой они рождались и жили...

Петровъ выходилъ изъ палатки, спускался къ рѣкѣ, весь залитый голубымъ, почти немерцающимъ свѣтомъ. Плавно и торжественно, въ сіяніи серебряномъ, катилась полноводная рѣка, маячили застывшія ракеты... Можно было жить только однажды, чтобы чувствовать полно и радостно музыку безпорочную свѣта и красокъ, рожденныхъ зарницами... И Петрову казалось, что сзади его, за самой спиной, какъ встарь, стоитъ старая, морщинистая и шепчетъ:

*) Черная смородина.

— Сынокъ! Это—хлѣбъ цвѣтеть...

Да, такъ шептала ему когда-то, душистыми ночами, старая мать, когда трепетали зарницы. Крестилась и шептала:

— Это хлѣбъ цвѣтеть...

Давно это было, давно. Мать лежитъ на деревенскомъ погостѣ, и, можетъ, тамъ, въ эту ночь, играютъ зарницы... О, какъ-бы хотѣлось прижать къ себѣ старую, сѣдую голову, цѣловать сморщенные руки и шептать о зарницахъ, о жизни, о межахъ, гдѣ бродятъ тоскливо сѣрыя, измученныя людскія тѣни!..

...Въ полночь, когда трепетали зарницы и хрипѣли коростели—Петровъ услыхалъ шорохъ около самой палатки и сдавленный голосъ:

— Тише вы: папа спитъ!

Удивился и осторожно выглянулъ. Стороной крадутся, всѣ въ бѣломъ, три дѣтскія тѣни. Впереди шагаль Сергѣй, послѣднимъ—маленькій Петя. И Петровъ слышалъ, какъ Сергѣй шепталь свистяще:

— Тише вы!

Дошли до коробка подъ навѣсомъ, гдѣ немного гуще таились тѣни и спали Гумаръ съ Аюпкой. Остановились, что-то шепчуть таинственно, потомъ осторожно будятъ башкирь... Сверкаютъ зарницы, и Петровъ ясно различаетъ лица дѣтей. И, немного погодя, онъ слышитъ осторожное:

— П-и-ла... Ма-ш-а...

Петровъ понялъ все. Легъ на свое мѣсто и засмѣялся. На душѣ сдѣлалось красиво и радостно, будто туда метнули зарницы. И шепталь про себя:

— Хлѣбъ цвѣтеть... Это тоже хлѣбъ цвѣтеть!

Пришлось всѣмъ уѣхать въ городъ. Ходили прощаться съ рѣкой, съ раkitами, съ тихими, почти совсѣмъ созрѣвшими полями... Больше молчали, не говорилось, но дѣти часто подходили къ Гумару, который провожалъ ихъ, и заглядывали въ его большіе затуманенные глаза... Когда простились со всѣми и поѣхали—Гумаръ долго бѣжалъ за экипажемъ, махаль аракиномъ, что-то кричалъ и плакалъ...

И Петровъ видѣлъ, какъ у Сергѣя тряслась нижняя челюсть, а Петя прижался лицомъ къ матери...

Когда отѣхали довольно далеко, Петровъ спросилъ тихо у Сергѣя:

— Ну, что... Гумаръ не научился читать?

Мальчикъ вспыхнулъ и быстро заговорилъ:

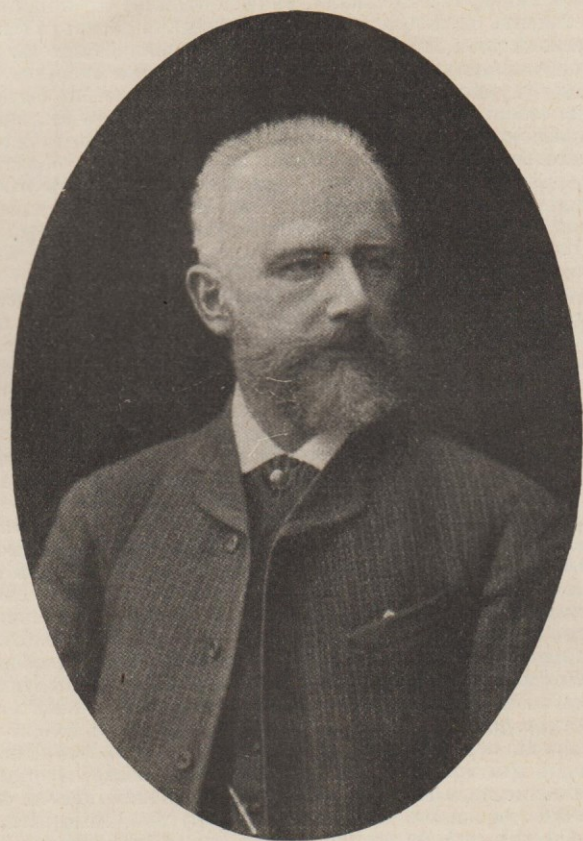
— Знаешь, что, папа? Гумаръ прекрасно началъ читать! Писать не успѣли только научить, хотя тоже начали...

— Какъ это?—будто удивился Петровъ.

— А, вотъ, когда зарницы были, папа... Ты не сердись только... Ночью мы приходили къ Гумару и учили... Свѣтло было, какъ днемъ! Отъ зарницъ, папа! Не нужно было совсѣмъ огня... Николай Иванычъ спалъ въ это время, и ты, папа, спалъ, но мама знала объ этомъ... И точно въ сказкѣ все это было, папа: зарницы, тишина, поля... А мы крадемся мимо твоей палатки... Какъ въ сказкѣ!

Петровъ смотрѣлъ на взволнованное, свѣжее лицо сына, смѣялся въ душѣ и думаль, что въ сѣрой человѣческой жизни есть моменты красивѣе сказки...

А. Туркинъ.

П. И. ЧАЙКОВСКИЙ.

Къ 75-лѣтію со дня рожденія.

П. И. Чайковскій и А. Н. Апухтинъ.

ПАРАЛЛЕЛИ.

Чайковскій и Апухтинъ—два близкихъ имени, двѣ различныхъ судьбы. Съ дѣтскихъ дней судьба свела обоихъ подь одной кровлей училища правовѣднія. Оба вышли неудавшимися чиновниками и, среди безпечальныхъ и не унывающихъ, остались взыскующими и ищущими, такъ не похожими на окружающую ихъ среду.

Но тутъ кончается близость и начинается расхожденіе возможностей и путей и самыхъ судебъ. Безъ малаго въ шестнадцать лѣтъ Апухтинъ уже представлялъ нѣчто въ своемъ міркѣ. Его знали, въ него вѣрили, его талантомъ интересовались, и этотъ талантъ былъ признанъ. Лицей увидѣлъ расцвѣтъ генія Пушкина. Въ училищѣ правовѣднія, спустя почти полвѣка, явились всходы апухтинскаго дарованья и въ училищѣ серьезно считали юнаго поэта вторымъ Пушкинымъ. Такъ и говорили: «будущій Пушкинъ». Дословно, буквально. Это была переоцѣнка, конечно, но надо сознаться, что умѣниемъ отличить даръ отъ бездарности вообще мы грѣшимъ гораздо рѣже, чѣмъ наоборотъ. Наши юные таланты чаще встрѣчаютъ «заушеніе» педагогическаго и критическаго начальства, во образѣ педагоговъ и критиковъ въ футлярѣ, чѣмъ разумный привѣтъ. Апухтинъ въ этомъ отношеніи былъ однимъ изъ немногихъ счастливыхъ. Его замѣтили по первымъ блестящимъ. Чисто російская бытовая черта—коль хвалить, такъ безъ разсудку, коль ругать, такъ ужъ съ плеча. И курсъ онъ прошелъ легко и вышелъ изъ міра училища въ широкій міръ такъ же легко.

Совсѣмъ иное было съ Чайковскимъ. За нимъ не шло ни общее поклоненіе, ни славословіе, ни радужныя надежды. Училище, радостно привѣтствовавшее «второго Пушкина», не договорилось до «второго Глинки», взроставашаго въ его стѣнахъ. Талантъ поэта Апухтина первенствовалъ надъ талантомъ музыканта Чайковскаго въ общемъ мнѣніи. Скорѣй флегматичный по натурѣ, чѣмъ энергичный, слабый здоровьемъ и не любившій упорнаго труда, Апухтинъ принялъ вскорѣ энергическое, для его среды и обстановки, рѣшеніе: удалиться отъ золь канцелярщины, поставить крестъ на дальнѣйшемъ обезпеченномъ службой благополучіи и уйти на просторъ родныхъ полей своей деревни, отъ общества и свѣта подь крышу праѣдовскаго дома, чтобы жить въ сообществѣ тѣхъ немногихъ избранныхъ, которыхъ онъ любилъ, какъ близкихъ. Съ томикомъ Пушкина, Лермонтова, Боратынскаго, Тютчева онъ не чувствовалъ ни одиночества, ни отчужденности. Избалованный свѣтскими успѣхами, блестящій остроумецъ, украшеніе свѣтскихъ гостиныхъ, чарующій собесѣдникъ, онъ рѣдко предъ кѣмъ открывалъ святое святыхъ своей души. Вспышки и отблески этой души—свои стихи—онъ ревниво хранилъ, сознавая святость Тютчевскихъ словъ:—«мысль изреченная есть ложь». Съ Тютчевымъ многое роднитъ Апухтина: та же богомольная, святая любовь къ поэзии, какъ къ совершеннѣйшему изъ искусствъ, и то же полное равнодушіе къ своимъ стихамъ, къ своей поэтической славѣ, то же полное отсутствіе какого-либо соперничества, соперничества. Онъ писалъ стихи, потому что не писать ихъ не могъ, потому что они были эхомъ его переживаній, потому что чувствовалъ, что если онъ рожденъ для чего-нибудь, то для того, чтобы пѣть, какъ птица поетъ, потому что ей даль Богъ голосъ. Стихи писались и оставлялись въ тетради и лишь кое-что скупо и рѣдко попадало въ печать. Чуждаясь литературныхъ круговъ, замыкаясь все крѣпче въ своемъ одиночествѣ, все болѣе погружаясь въ «обломовщину» уединеннаго существованія, Апухтинъ, едва выйдя въ жизнь, сходилъ со сцены. Его знали только немногіе, его помнили, какъ поэта, только немногіе и все рѣже слышались затверженные похвалы его таланту. Талантъ этотъ былъ несомнѣненъ. И почти предъ самымъ концомъ жизненнаго пути онъ вспыхнулъ снова для всѣхъ яркимъ метеоромъ, засвѣтился на страницахъ читаемыхъ журналовъ. Та гордая отторженность отъ литературныхъ круговъ дала себя больно чувствовать поэту, и онъ пережилъ всю боль и остроту этого отчужденія въ день пушкинскаго праздника, когда онъ одинъ остался забытымъ. Въ дни угасанія физическаго появляются лучшія пьесы Апухтина и выходитъ его сборникъ стиховъ—отзвукъ прошлаго, прошлыхъ интимныхъ переживаній и мечтаній, тоски несбывшихся надеждъ и разочарованій. Все въ прошломъ—золотое солнце и юность, любовь и вѣра и—ничего въ настоящемъ. Тѣсенъ міръ апухтинской мечты, но изъ него ей уже не выбраться. Были порывы и были силы, но смолкли они неисполненные; былъ поэтъ, подававшій большія надежды окружающимъ, и остался только «изранный боецъ», запугавшійся въ силѣ жизненныхъ противорѣчій. Остался только томикъ стиховъ,—красивыхъ, искреннихъ, свѣтящихся самоцвѣтнымъ огнемъ, ласкающихъ, но не грѣющихъ. Такъ ласкаетъ зимнее солнце, но не грѣетъ. И какъ тоски по теплу

вешних лучей не развѣтъ зимнее солнце, такъ не замѣнитъ апухтинская лирика ни Тютчева, ни Лермонтова, ни Пушкина.

Извѣстность, которая такъ легко далась Апухтину и такъ легко ушла отъ него, въ великомъ бореніи и трудѣ получилъ Чайковскій. Борьба была за каждую пядь, за каждый шагъ впередъ. Апухтину легко повѣрили, что онъ—призванный поэтъ,—Чайковскому нужно было прежде всего увѣровать въ самого себя, чтобы приобщиться къ теоретическимъ знаніямъ музыки. Апухтинъ высоко ставилъ лѣтантизмъ въ искусствѣ, — Чайковскій не вѣрилъ въ него. Остаться «салоннымъ» любителемъ музыки онъ не хотѣлъ. Серьезно изучать музыкальное искусство было и негдѣ, и некогда. Консерваторіи еще у насъ не существовало; серьезное изученіе заслоняла служба во имя обезпеченія завтрашняго дня. Съ открытіемъ музыкальных классовъ—прообраза петроградской консерваторіи—одна часть задачи была рѣшена. Другую уладило торжество призванія, всегда плохо повинующееся жизненнымъ расчетамъ. Первые шаги композиторской дѣятельности не дали славы Чайковскому. Лауреатъ консерваторіи былъ обруганъ критикой. Приняты ледянымъ равнодушіемъ публики первыя симфоніи—«Зимнія грезы», «Ромео и Джульетта», первыя оперы—«Воевода», музыка къ «Снѣгурочкѣ». «Ундина» была и вовсе не допущена на сцену, романсы не замѣчены. Чайковскій, уже профессоръ московской консерваторіи, все не былъ признаннымъ композиторомъ и еще менѣе того любимцемъ публики. «Вторая симфонія» и «Буря» уже имѣли выдающийся успѣхъ, но большая публика все еще не знала Чайковскаго. То, что самъ авторъ считалъ наиболѣе слабымъ изъ своихъ произведеній—опера «Опричникъ», — создала извѣстность Чайковскому.

Успѣхъ не остановилъ дальнѣйшаго упорнаго труда Чайковскаго, но, наоборотъ, повысилъ продуктивность его творчества. Подобно Апухтину, «склонный къ обломовщинѣ», Чайковскій разомъ сбросилъ съ себя эту національную немочь, вступивъ въ свою любимую область. Небезпеченный, вынужденный давать уроки, онъ еще ученикомъ въ консерваторіи проявляетъ кипучую дѣятельность. Неудачи закаляютъ его, успѣхъ окрыляетъ, лавры не заставляютъ опочить не у дѣль. Приходится прямо поражаться той массѣ труда, которую беретъ на свои плечи и выполняетъ Чайковскій. Профессоръ, авторъ сочиненій по теоріи музыки, музыкальный критикъ и композиторъ, онъ захватываетъ всѣ области искусства.

Ярый пропагандистъ русской музыки, самое существованіе которой еще такъ недавно (для его поры) подвергалось сомнѣнію, Чайковскій своею творческой дѣятельностью далъ огромный толчокъ къ сближенію Запада съ Россіей, съ ея искусствомъ. Талантливый популяризаторъ, онъ удосужился дать дѣтямъ свой извѣстный «Дѣтскій альбомъ», а взрослой широкой публикѣ своего «Евгенія Онѣгина»—эти лирическія сцены, дважды освященныя именами поэта и композитора—такія простыя и ясныя по своему музыкальному изложенію, такія мелодичныя и захватывающія. «Евгеній Онѣгинъ» дважды создалъ славу: и Пушкину, и Чайковскому. Отъ него и черезъ него извѣстный въ музыкальныхъ кругахъ Чайковскій-композиторъ сталъ самымъ популярнымъ изъ русскихъ композиторовъ, а его опера—одной изъ самыхъ любимыхъ оперъ въ Россіи. Успѣхъ ея не слабѣлъ, а росъ съ годами, между тѣмъ какъ,—любопытная подробность,—самъ композиторъ не только не вѣрилъ въ ея успѣхъ, но даже не предполагалъ ставить ее на большихъ сценахъ. «Евгеній Онѣгинъ» писался для консерваторскаго спектакля. Одинъ, предполагавшійся, спектакль выросъ въ обще-россійскій, между тѣмъ какъ «Онѣгинъ» вовсе не лучшее, наиболѣе совершенное произведеніе Чайковскаго. Но онъ именно обратилъ и остановилъ вниманіе на композиторѣ широкихъ круговъ публики, которая и до сихъ поръ больше знаетъ вообще Чайковскаго-композитора, чѣмъ Чайковскаго-симфониста, хотя истинная огромная цѣнность и заключается, главнымъ образомъ, въ послѣднемъ. «Патетическая симфонія» явилась лебединой пѣсней Чайковскаго. Онъ словно предчувствовалъ свою нежданную, нежданную смерть, творя эту симфонію, полную скорби. Ею онъ какъ-бы пророчески прощался съ жизнью, которая внезапно оборвалась въ ту пору, когда «и безсильная старость была еще далека», и въ глаза глядѣла не мгновенная, переходящая извѣстность, а настоящая слава. Отблескъ ея и на другѣ Чайковскаго—Апухтинѣ: многія пьесы поэта стали знакомыми и любимыми черезъ музыканта, переложенныя на музыку Чайковскимъ.

Два близкихъ имени, двѣ различныхъ судьбы. Чайковскій на два года пережилъ Апухтина, а какая разница! Одинъ все еще живетъ и дышитъ, а другой уже и поблекъ, и потускнѣлъ...

Н. Носковъ.

Перемышль.

Очеркъ Вл. Новоселова.

Перемышль палъ.

Пала сильная австрійская крѣпость; воскресъ для новой жизни древній русскій городъ. Семь вѣковъ отторженный отъ Руси, Перемышль вновь воссоединился съ нею. Велико значеніе паденія австрійскаго Перемышля, но значеніе возстанія изъ мертвыхъ русскаго Перемышля еще большее. Галицкая зарубежная Русь уже не въ мечтахъ, а наяву сливается со всею Россіей, приобщается вмѣстѣ съ нею къ тому великому грядущему, которое уже яркой новью глядится въ лицо. Подъяремная Русь доживаетъ послѣдніе дни; старый Львовъ, ставшій нѣмецкимъ Лембергомъ—центръ восточной Галиціи и оплотъ ея—Перемышль—возвратились снова въ лоно родной земли.

Львовъ, Перемышль, Ярославъ, Галичь, Станиславовъ—все бывшіе русскіе города, даже не утратившіе своихъ русскихъ именъ, за вѣка своего плѣна оставшіеся славянскими въ онѣмеченной Австріи. Если взглянуть на карту Галиціи, то одно рѣзко бросается въ глаза. Въ австрійской провинціи Галиціи, вобравшей въ себя и древнюю Галичину, и Ладомерию (искаженное названіе вотчинъ Владимира)—эти исконныя русскія земли, и королевства краковское, и освѣцимское, и Заторское—исконныя польскія земли,—нѣтъ такого одного центра, гдѣ-бы сосредоточивалась вся жизнь страны. Лишь по краямъ на востокъ и на западъ раскинулись два большихъ бойкихъ города. Это—Львовъ и Краковъ. Львовъ—центръ русской Галиціи; Краковъ—старая столица Польши и центръ польской Галиціи. Австрійская политика создала искусственно изъ Львова административный центръ области. Львовъ долженъ былъ возвыситься за счетъ Кракова, но Львовъ остался Львовомъ и Краковъ остался Краковымъ. Соперничество не помѣшало двумъ центрамъ Галиціи развиваться параллельно и жить своею жизнью. Русскій (малорусскій) университетъ во Львовѣ и польскій въ Краковѣ, русское населеніе въ восточной Галиціи и польское въ западной провели естественную границу между собственно Галиціей и бывшими польскими землями, объединенными въ административномъ отношеніи въ одно историческое цѣлое. Перемышль стоялъ какъ разъ почти по срединѣ провинціи, связанный узломъ желѣзныхъ дорогъ, расходящихся отъ него во всѣ стороны и командуя надъ всей округой. Этому маленькому городку, живописно раскинувшемуся на берегу Сана и лѣпящемуся по уступамъ горы, австрійцы придавали большое значеніе. Маленькій, живописный городокъ съ развалинами стараго замка, обвѣянный преданьями и легендами прошлаго, австрійцы обратили въ сильную, укрѣпленную крѣпость. За счетъ ея и шло развитіе Перемышля, ставшаго съ теченіемъ времени однимъ изъ моднѣйшихъ и бойкихъ городковъ Галиціи. Перемышль вооружался и перевооружался не разъ. Все было сдѣлано, чтобы обратить его въ твердыню. На цѣлые десятки верстъ его опоясали нѣсколько линій фортовъ, возводились все новыя укрѣпленія. Австрійцы вѣрили въ мощь Перемышля. Но, послѣ шести мѣсяцевъ осады, отрѣзанный отъ арміи, осужденный на голодъ, Перемышль вынужденъ былъ сдаться. Сами австрійцы за нѣсколько часовъ до сдачи принялись сокрушать созданіе рукъ своихъ, взрывая свои же форты.

Русскія войска вошли въ русскій Перемышль, и, послѣ семи вѣковъ, взвился русскій флагъ надъ древнимъ городомъ, хранящимъ память о далекихъ дняхъ галицкихъ князей, о галицкой Руси, тянувшейся отъ Перемышля на Сангъ до Кіева на Днѣпрѣ.

Паденіе Перемышля открываетъ дорогу нашему движенію въ западную Галицію и въ Венгрію за Карпаты. Со взятіемъ Перемышля вся восточная Галиція становится вновь достояніемъ Россіи. Крайне характерно то обстоятельство, что, при раздѣлѣ Польши, Австрія захватила бывшія русскія земли, основываясь на томъ, что императоръ австрійскій былъ въ то же самое время и королемъ Венгрии, а у одного изъ венгерскихъ королей въ его титулѣ значилось: король Галиціи и Ладомеріи.

Былая слава Австріи давно уже пережила себя; то, что король Венгрии былъ

въ то же самое время императоромъ Австріи, теперь никого ни къ чему не обязываетъ.

Всѣ стяжанія Габсбурговъ на Галицкую Русь и польскія земли основывались не столько на исторіи, сколько на захватѣ,—захватѣ даже не со стороны сильного, а со стороны наглаго. Австрійская сила всегда была такова, что всегда ее побивали: и Наполеонъ, и пруссаки, и итальянцы; даже венгры, желавшіе отмежеваться отъ Австріи. У Австріи былъ великій проницательствомъ Меттернихъ, и не было ни одного дѣйствительно великаго полководца. Тѣмъ не менѣе, Австрія всегда потрясала мечомъ и выигрывала побѣды на конгрессахъ, другими путями, съ военными заслугами не имѣющими ничего общаго. Она умѣла пускать пыль въ глаза, наводитъ страхъ на Европу и брать свое, желаемое, хотя и не принадлежащее ей по праву. Въ собираніи, крохоборствѣ была—вся политика Габсбурговъ. Ими Австрія сшита изъ цвѣтныхъ лоскутковъ, не гармонирующихъ другъ съ другомъ ни по колеру, ни по матеріалу. Настоящая лоскутная монархія. И пока народы «мирно паслись», не заявляя о своемъ національномъ лицѣ, о своей индивидуальности, Австрія не только существовала, но даже процвѣтала. Процвѣтала, если династическіе интересы Габсбурговъ можно отождествлять съ интересами государства. Нѣмецкіе чиновники изъ Вѣны наводили порядокъ и лоскъ въ австрійскихъ провинціяхъ и распоряжались безконтрольно. Но разъ только народы почувствовали себя людьми и націей—все пошло прахомъ. И Австрія, и Венгрія, и Чехія, и Галиція заклокотали, какъ кипящій котелъ, требуя правъ на свободное самоопредѣленіе. Австріи пришлось признать эти права сначала за венграми, потомъ за поляками, но равными правами въ ней никогда не пользовались всѣ населяющіе ее народы. Славяне такъ и остались въ ней на положеніи пасынковъ. Своимъ освобожденіемъ они обязаны не реформамъ изъ Вѣны, но своимъ собственнымъ силамъ. Только передъ силой капитулировала Вѣна. Чѣмъ выше была организація этихъ силъ, тѣмъ больше были и уступки. Венгрія вошла полноправной единицей въ двуединую монархію. Поляки и чехи добились для себя многихъ прерогативъ, а эта политика то снисходила къ нимъ, то ихъ третировала. Война, къ которой рвалась Австрія, бряцающая оружіемъ, ибо отъ этого бряцанія она всегда получала «нѣчто» въ видѣ уступокъ и пріобрѣтеній, вскрыла главное: отсутствіе единого нерва, единой воли народа, отсутствіе внутренней спайки между частями государства; Лембергъ австрійскій сталъ Львовомъ русскимъ. Это для Австро-Венгрии большая, конечно, территориальная потеря, ущербъ, но Львовъ для Австро-Венгрии не родной, не кровный. Это—потеря, исчисляемая на геллеры, но не ударъ въ сердце. Сердце Австріи—Вѣна. Но у Венгрии—не она, а Будапештъ. Вѣна бралась, ее занимали враги, но сердце Австріи не исходило кровью, потому что весь моральный ужасъ этого не могъ ровно, одинаково чувствоваться во всей странѣ, по разному чувствующей, молящейся разнымъ богамъ. Нѣтъ такого народа въ Австріи, за исключеніемъ нѣмцевъ, которые не смотрѣли-бы врозь, на с в о й, не австрійскій путь. О возстановленіи и объединеніи мечтаетъ Польша, о своей свободѣ гадаютъ давно чехи, слиться съ сербами стремятся хорваты, слиться съ Румыніей—румыны изъ Трансильваніи.

Паденіе Перемышля приблизило еще больше эти мечты къ дѣйствительности, оно уже реализовало одну, недавно еще далекую, грѣзу: слило зарубежную Русь съ великой Россіей и тамъ и тутъ всколыхнула однѣ надежды—на бодрый совмѣстный путь къ желанному творчеству свободной, новой жизни.

Вл. Новоселовъ.

Графъ Витте.

(Род. 1849 г. † 1915 г.).

Статья Н. Дмитриева.

Съ полной увѣренностью можно сказать, что имя Витте всѣмъ хорошо знакомо въ Россіи. Въ теченіе послѣдней четверти вѣка оно повторялось во всѣхъ концахъ Россіи отъ столицъ до медвѣжьихъ угловъ. Витте всѣ знали, и именно Витте, а не графа Сергѣя Юльевича Витте, какъ гласить его официальный титулъ. Витте любили и его ненавидѣли. Витте вѣнчали и развѣнчивали. Но ни для кого его имя не было пустымъ звукомъ, кимваломъ бряцающимъ. Такой широкой извѣстностью не пользовался ни до него, ни при немъ ни одинъ изъ нашихъ государственныхъ дѣятелей. Среди нихъ онъ былъ безспорно не только самый извѣстный, но и самый выдающийся.

Безпристрастная оцѣнка дѣятельности Витте—дѣло времени и, быть можетъ, далеко не близкаго. Переживанья недавняго прошлаго еще слишкомъ жгучи и остры, чтобы была возможна ихъ спокойная оцѣнка безъ гнѣва и страстей.

Витте умеръ, но смерть еще не подводитъ итоговъ его дѣятельности. Отзвуки ея живы, идутъ изъ самой жизни, хотя уже девять лѣтъ назадъ активная роль Витте была закончена, и онъ, какъ дѣятель, сталъ принадлежать прошлому. Съ какимъ-бы критеріемъ ни подходить къ дѣятельности Витте, одно несомнѣнно: она являлась далеко не заурядной. Въ ней былъ рѣзъмахъ настоящей силы, была смѣлость почина и дерзаніе, острота творческой мысли, отвращеніе къ канцелярской рутинѣ, къ бюрократическимъ шаблонамъ и навыкамъ. Онъ не былъ новаторомъ, но не былъ и приверженцемъ реакціи и ея плѣсени. Онъ не искалъ новыхъ формъ для новаго содержанія, но новыми формами облекалъ то старое, которое для него являлось не старѣющимъ. Короче, онъ былъ умный консерваторъ, но не реакціонеръ. И кажущійся «либерализмъ» Витте коренился именно въ этомъ консерватизмѣ, понимаемомъ, что время все беретъ.

Необычна была карьера Витте съ бюрократической точки зрѣнія и его формуляръ. Въ различіе отъ теоретиковъ нашей государственности Витте былъ практикъ. То, что они изучали въ канцеляріяхъ, Витте изучалъ на опытѣ, въ жизни. Студентъ-математикъ Новороссійскаго университета, готовившійся къ научному поприщу, онъ началъ свой служебный стажъ въ роли маленькаго конторщика на желѣзной дорогѣ. Онъ закончилъ свою карьеру на вершинѣ служебной іерархіи, присоединивъ къ своей скромной фамиліи графскій титулъ. И карьера эта была также исключительная. Витте былъ сразу оцѣненъ, его *личныя* дарованія были признаны. Благодаря имъ онъ изъ простыхъ конторщиковъ скоро сталъ начальникомъ движенія дороги. И опять-таки мы здѣсь имѣемъ дѣло съ исключительнымъ примѣромъ—примѣромъ начальника движенія безъ инженернаго диплома. Русская дѣйствительность чревата всякими сюрпризами. Витте испыталъ ихъ много на себѣ самомъ. И тогда, когда получилъ утвержденіе, и тогда, когда онъ не былъ утвержденъ на посту управляющаго Юго-западными дорогами все по одному и тому же поводу—отсутствію у него инженернаго диплома. Тѣмъ не менѣе это же самое обстоятельство нисколько не помѣшало Витте черезъ нѣсколько лѣтъ войти въ качествѣ главы въ то министерство, которое недавно еще отказало ему въ утвержденіи. Витте сталъ управляющимъ министерствомъ путей сообщенія. Проходитъ менѣе года, и тотъ же Витте смѣняетъ Вышнеградскаго на посту министра

финансовъ. Съ этого времени, съ 1892 года, и начинается все росшая извѣстность Витте, его государственная дѣятельность, проходившая на виду у всѣхъ.

Дѣйствительно, почти въ теченіе послѣдней четверти вѣка не было ни одного такого крупнаго шага въ нашей государственной жизни, который такъ или иначе не былъ-бы связанъ съ именемъ Витте. Все выходящее изъ зауряда въ этой жизни имѣло тѣсную связь съ его дѣятельностью.

Огромной реформой явилось установленіе золотой валюты и закрѣпленіе измѣнчиваго курса рубля, начало конца прежней исключительной зависимости Россіи отъ денежнаго рынка Берлина. Финансовая политика Витте привела къ сближенію съ Франціей.

Все огромное значеніе этого поворота, реальное значеніе франко-русскаго союза мы ощущаемъ только теперь. Витте понималъ его въ ту пору, когда этому союзу еще не придавали особой цѣны.

Проведеніе великаго Сибирскаго пути, прорѣзавшаго стальной колеей десятокъ тысячъ верстъ отъ моря до моря—самая мысль и осуществленіе ея принадлежатъ также Витте. Винная монополія была также дѣломъ рукъ того же Витте. Министерство финансовъ, подъ его управленіемъ, ярко выдѣлилось и своей энергіей, и своимъ составомъ, и отсутствіемъ рутинны. Среди другихъ министерствъ оно являлось наиболѣе работоспособнымъ и наименѣе зараженнымъ духомъ канцеляризма. Подъ его опекой только смогли зародиться, вырасти и окрѣпнуть дѣтища частной и общественной инициативы—коммерческія училища—школы новаго типа съ учащимися обоюга пола. То, на что министерство просвѣщенія смотрѣло косо, не одобряя новой «ереси», взшло пышнымъ всходомъ на почвѣ министерства финансовъ, впервые открывшаго возможность взаимодѣйствія семьи и школы. Первые политехникумы, начиная съ грандіознаго петроградскаго, открыли двери для тысячъ учащихся при благосклонномъ участіи министра финансовъ, предоставляя созерцать ихъ успѣхи просвѣтителямъ отъ Чернышева моста.

Одннадцатилѣтнее пребываніе Витте во главѣ министерства финансовъ—цѣлая историческая страница. На этой страницѣ есть письма, отъ которыхъ самъ Витте готовъ былъ отречься. Такова винная монополія, давшая миллиарды государственному бюджету и отнявшая эти миллиарды изъ народнаго хозяйства. Но, къ чести ея создателя, именно онъ заявлялъ, что государственный бюджетъ не сможетъ покоиться на спиваніи народа, продолжать быть и дальше пьянымъ бюджетомъ. У всѣхъ еще памяты недавнія выступленія Витте въ Государственномъ Совѣтѣ за трезвость, его привѣтствіе совершившемуся факту отрезвленія.

Въ тяжелую годину русско-японской войны, при выработкѣ условій портсмутскаго договора, снова вниманіе всей Россіи устремляется на Витте. Онъ выступаетъ въ новой роли дипломата. Событія внутренней жизни снова выдвигаютъ того же Витте, и онъ является въ роли строителя «новой жизни» среди общей разрухи. Широкий государственный умъ Витте созналъ, что «корни волненія—въ нарушенномъ равновѣсіи между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними формами жизни. Россія пережила форму существующаго строя». Такъ писалъ онъ въ своемъ докладѣ Государю. Результатомъ этого доклада было появленіе манифеста 17 октября. Этотъ вѣчно памятный день явился тѣмъ днемъ, когда Витте достигъ вершины своей извѣстности. Его имя знала и повторяла вся Россія, читая, опубликованный одновременно съ манифестомъ, его докладъ, на которомъ была сдѣлана Высочайшая помѣтка: «принять къ руководству». Бывшій министръ финансовъ вновь призывался на постъ предсѣдателя совѣта министровъ. На этомъ посту Витте оставался недолго. Мягущіяся волны вспѣнной жизни захлестнули и его. Онъ оказался одинокимъ, захваченнымъ вихремъ событій, безъ опредѣленной программы, безъ опоры. Для лѣвыхъ онъ казался слишкомъ правымъ; правымъ реакціонеромъ онъ также былъ не по плечу, ибо онъ былъ гуманнымъ консерваторомъ-постепеновцемъ, того благороднаго типа, который отлично понимаетъ, что все совершенствуется въ Божьемъ мѣрѣ, все идетъ впередъ, и нельзя повернуть вспять теченіе рѣки народной жизни, но онъ былъ убѣжденъ также, что нельзя разомъ снимать съ нея запруды и открывать ея шлюзы, чтобы дать полный просторъ ея вольному бѣгу. Онъ желалъ дѣйствовать прямою и искренностью и — не угодилъ никому. Но какъ бы то ни было — за нимъ останется, уцѣлѣетъ послѣ него одно, незабываемое—17 октября 1905 года.

Имя графа Сергѣя Юльевича Витте сплетено съ этой датой навсегда. Съ ней—вѣчныя воспоминанія о немъ, она лучшей вѣнокъ на его могилу, нерукотворный памятникъ его дѣятельности.

Н. Дмитриевъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Выпускъ седьмой.

	Стр.
Одуванчики. Стихотвореніе Ив. Мукосѣева	216
Подобна солнцу. Разсказъ К. С. Баранцевича	217
Уютный старый домъ.. Стих. Валеріана Ф.	227
Папаша. Разсказъ Сергѣя Гарина	228
Прощаніе. Стих. Г. Ланцева	231
Какъ въ сказкѣ. Разсказъ А. Туркина	232
П. И. Чайковскій и А. Н. Апухтинъ. Очеркъ Н. Носкова	240
Перемышль. Очеркъ Вл. Новоселова	242
Графъ Витте. Статья Н. Дмитріева	244

КАРТИНЫ: 1. Плющъ. Картина въ краскахъ Т. Кремона. 2. За будущее. Авто-типія съ картины Курцвелли

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „ПРОБУЖДЕНІЕ“ считаетъ долгомъ напомнить лицамъ, пользующимся разсрочкой платежа, объ аккуратномъ взносе денегъ.

Деньги должны быть получаемы конторой отъ иногороднихъ подписчиковъ не позднѣе полагающагося срока, такъ какъ не поступающій въ розничную продажу журналъ „ПРОБУЖДЕНІЕ“ печатается въ количествѣ экземпляровъ, не превышающемъ числа подписчиковъ, и потому позднія заявленія о желаніи продолжать подписку, за неимѣніемъ достаточнаго количества слѣдующихъ №№ и приложений, приняты, ни въ коемъ случаѣ, не будутъ. Г.г. иногороднихъ подписчиковъ при высылкѣ денегъ контора проситъ обязательно прилагать печатный адресъ съ бандероли съ указаніемъ, что деньги высылаются въ уплату за журналъ.

Редакторъ-издатель Н. В. Корецкій.

226191/881

1915 г. Продолжается подписка на 1915 г. 10-й годъ
на двухнедѣльный, изданія
ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ
съ картинами въ краскахъ

ПРОБУЖДЕНИЕ

Гг. подписчики получаютъ въ течение 1915 года:

24 РОСКОШНЫХЪ ВЫПУСКА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАГО И НАУЧНАГО ЖУРНАЛА „ПРОБУЖДЕНІЕ“.

50 ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ КАРТИНЪ: въ краскахъ, на паспарту, фототипіи, портреты и друг.

12 КНИГЪ, ВЪ 3-ХЪ ПЕРЕПЛЕТАХЪ СЪ ЗОЛОТЫМЪ ТИСНЕНИЕМЪ, ЮБИЛЕЙНАГО ИЗДАНІЯ СОЧИНЕНІЙ (по случаю 50-лѣтія со дня смерти): **М. И. МИХАЙЛОВА.**
Книги романовъ, рассказовъ, стихотвореній и друг.

ДВА ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ УКРАШЕНІЯ ГОСТИНОЙ:

1. **АТЛАСНЫЙ ГОБЕЛЕНЪ**
въ стилѣ Людовика XVI-го.
Картина на атласѣ Буше.

2. **ПОСЛѢ ТАНЦА.**
Изящный стѣнной рельефъ
художника Годварда.

Два украшенія столовой комнаты:

ПАНО-БАРЕЛЬЕФЪ
„Дикія утки“.

ПАНО-БАРЕЛЬЕФЪ
„Морскіе окуни“.

Художник: Ел. Магюръ и Ф. Эрая. Красивая имитация рельефныхъ бронзов. фигуръ.

ИЗЯЩНЫЯ УКРАШЕНІЯ КАБИНЕТА:

Дѣвушка съ голубями.
ГЕЛЮГРАВЮРА СЪ КАРТИНЫ
художника Ш. Шаплень.
Размѣръ 47×68 сант.

Стильный японскій альбомъ
съ картинами японскихъ художниковъ и рельефнымъ тисненіемъ золотыхъ украшеній.

Роскошная стѣнная картина въ краскахъ

знаменитаго
итальян. худож.
ГЕРЦОНИ.

СОЛНЦЕ ВЗОШЛО!

работы пост.
Дв. Е. И. Велич.
Голике и Вильб.

Размѣръ 62×80 сант.

Въ ознаменованіе 10-лѣтія „Пробужденія“ будетъ выдана въ концѣ года
ЗНАМЕНИТАЯ АЛЛЕГОРИЧЕСКАЯ КАРТИНА ВЪ КРАСКАХЪ

извѣстнаго
художника
Ф. Лефлера.

ПОДЪ ШОПОТЬ ГРЕЗЪ

Размѣръ
картины
63×88 с.

Подписная цѣна: на первое полугодіе 4 руб.; на второе полугодіе 6 руб. 1-го полугодія 2 руб.;
на три мѣсяца 2 р. 50 коп. На меньшіе сроки подписка не принимается. За границу 12 руб.

Редакція журн. „ПРОБУЖДЕНІЕ“, Петроградъ, Невскій, 114.

Редакторъ-Издатель Н. В. КОРЕЦКІЙ.

Цѣна отдѣльнаго № журнала 40 коп.